

КАДИНСКИЙ - см. Кадницкий А.К.

"Кадинский" называется во всех записях шевченковского Дневника, где говорится о А.К.Кадницком.

КАДНИЦКИЙ, Андрей Кириллович - правитель канцелярии Нижегородского генерал-губернатора, коллежский ассессор.

Знакомство Т. Шевченко с Кадницким произошло вскоре после приезда поэта в Нижний Новгород, так как уже в записи Дневника от 23 октября 1857 он назван "милейшим из людей". Три последующие записи связаны с выполнением просьбы Кадницкого, Шрейдерса и Фрел их нарисовать их портреты. 25 февраля 1858 Кадницкий был в числе тех, кто пришел поздравить поэта с "днем ангела" и долгожданным дозволением ему "приехать и жить в Петербурге". (V, 167, 185, 200, 206).

Портрет А.К.Кадницкого работы Т. Шевченко, законченный 12 февраля 1858, публикуется в десятом томе. (л.21).

В Дневнике во всех случаях фамилия этого человека указывается неправильно: Кадинский.

КАЗАКИ.

Особое военное сословие. Казаки владели землей на общинном основании, получая довольно большие надель, и были обязаны службой. При поступлении на службу казак приобретал коня и обмундирование за свой счет, а огнестрельное оружие выдавалось казенное. Присвоение офицерского чина приносило казаку положенные этому чину права (вплоть до получения потомственного дворянства по чину или по ордену). Казаки пользовались местным самоуправлением, могли отдавать детей в войсковые училища и не обременялись общегосударственными повинностями.

В начале 20 в. существовали 11 казачьих войск, а также казачьи поселенцы в 2-х губерниях. С 1827 атаманом всех казачьих войск считался наследник престола. Возглавлял войско войсковой наказной или наказной атаман с правами генерал-губернатора или командующего округом; при нем действовал войсковой штаб, а на местах управление осуществляли атаманы отделов (на Дону - окружные) и, далее, - станичные атаманы, избираемые станичными сходами. По мере организации армии на основе всеобщей воинской повинности военное значение казачества уменьшалось, а колонизационное и полицейское возросло.

Т. Шевченко на протяжении всей своей солдатчины в Оренбургском крае тесно общался с казаками Оренбургского и Уральского казачьих войск, узнавал их лично, а через них нравы и обычаи казачества, сильные и слабые стороны войск, их историю. (См. статьи о Жигине И.С., Мальханове А.Д., Маркове Н.С., Чаганове

Ф.Е., Чертогурове Д.О. и других). В Новопетровском укреплении он вынашивал замысел "четырёхтомного нравоописательно-исторического романа", в котором намеревался "изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа" ("Варнак"). Роман остался ненаписанным.

КАЗАХИ.

Самоназвание - казак; в литературе до середины 20-х гг. XIX в. - фигурировали под названиями киргизов или киргиз-кайсаков.

Древними предками казахов были племена саков, усуней, племенной союз Кангюй и другие, занимавшие территорию современного Казахстана во 2-1 вв. до н.э. - 1-м тысячелетии н.э. В 6-7 вв.

тут поселились различные тюркские племена; процесс продолжался и в последующие два века. Этническому сплочению местных племен способствовало образование государства Караханидов (10-12 вв.).

В начале 12 в. территория Казахстана подверглась нашествию сельджуков, киданей, монголо-татар. Монгольское завоевание в начале 13 в. привело к дальнейшему смешению племен различного происхождения. В конце 15-начале 16 вв. образовалось Казахское ханство, в рамках которого завершилось формирование казахской народности.

Исторически сложились три территориально обособленные группы племен (жузы, или орды): Старший жуз (Семиречье), Средний жуз (степные районы Центрального Казахстана, долины рр. Сырдарья, Ишим, Тобол и др.), Младший жуз (Западный Казахстан). В 30-40 гг. 18 в. Младший и Средний жузы приняли российское подданство, а в 60-х гг. уже 19 в. добровольное присоединение Казахстана к России завершилось.

Т. Шевченко впервые узнал казахов в Оренбургском крае. Этому, особенно на первом этапе, способствовала его близость к кругам чиновников Пограничной комиссии, непосредственно ведавшей всеми сношениями со степью и ее коренными обитателями. Сотни и тысячи верст, пройденные им по земле казахов, дали возможность узнать и постичь ландшафты и другие особенности обширнейших территорий, их флору и фауну, этнографию, жизнь во всех их проявлениях. Он услышал живую речь, музыку и песни, легенды кочевого народа. Во множестве карандашных зарисовок, акварелей и сепий запечатлены художником Шевченко Казахстан и казахи. Замечательным образцом постижения жизни и надежд доселе незнакомого народа стало произведение Шевченко-поэта "У Бога за дверьми лежала сокира..." Среди казахов разных сословий у Т. Шевченко были личные знакомые (см. статьи Агау, Агенчи, Альдеев, Байгуши, Бакса, Кушинбаев, Саксыбаев и др.).

КАЛМЫКИ.

Монгольскоязычные калмыки вели свое происхождение от ойратов Джунгарии, часть которых в конце XVI- начале XVII вв. переместилась в пределы России к нижнему течению Волги, где смешалась с тюркскими и другими местными народами. Со второй половины XVII в. до 1771 калмыки, населявшие междуречье Волги и Дона, находились в составе Калмыцкого ханства. В конце XVIII- начале XVIII вв. вошли в Российскую империю. До 20-х гг. XX в. калмыки вели кочевой и полукочевой образ жизни и сохраняли деление на племенные группы. (По материалам "Демографического энциклопедического словаря", 1985).

Первое знакомство Т. Шевченко с калмыками произошло при начале оренбургского периода его жизни, что нашло отражение в "Близнецах". Но наиболее глубокие и разнообразные впечатления от калмыков - на астраханских страницах Дневника; эти записи свидетельствуют о знании народа, его происхождения, прошлого и настоящего, его этнографии.

КАМПИНЬОНИ - см. Компиони А.А.

В дневниковых записях Т. Шевченко от 27, 28 июня и 23 июля (V, 34-36, 83) подлостью этого "инженерного офицера и отчаянного пьяницы" посвящено несколько страниц, но фамилия его названа искаженно.

КАНТОНИСТЫ (от немецкого Kantonist - военнообязанный) - сыновья солдат, обучавшиеся в специальных военных школах и обязанные проходить длительную военную службу.

Кантонисты (существовали в 1805-56) зачисляли в военно-сиротские отделения (позже - батальоны кантонистов) с 12 лет, а срок действительной службы им исчислялся с 15 лет. После 15

лет обязательной службы (многие служили писарями, унтер-офицерами и т.д.) они могли выходить в гражданскую службу либо претендовать на производство в офицерский чин.

Т. Шевченко в годы оренбургской солдатчины близко узнал многих из бывших кантонистов, составлявших основу отряда топографов в походе к Аральскому морю и на самом Арале, писарей в Орской крепости и Новопетровском укреплении, в других местах его службы. Кантонистами начинали свой путь Голов А.С., Рыбин К.Д., Христофоров М.С., Яковлев Я.П. Он другие знакомые опального поэта.

КАНФЕР, Агап Федорович - в шестидесятые годы XIX столетия фельдфебель стрелкового взвода 5-го Оренбургского линейного батальона, а затем - второй роты 9-го батальона. (ГАОО, ф.173, оп.12, д.24; ф.173, оп.11, д.21 б).

Службу в Орской крепости Канфер начал не ранее 1853-54 гг. и, таким образом, "сослуживцем" Шевченко (как называет его А.И.Матов) быть не мог.

Записанный Матовым рассказ Канфера (впервые опубликован в газете "Русские ведомости", 1895, № 242; перепечатан в книге "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр.188-189) передает не личные его впечатления, а, скорее, то, что он мог слышать от действительно знавших поэта людей. При этом и точность пересказа, сделанного Канфером много лет спустя, полного доверия не вызывает. Явно неправдоподобны утверждения о картинах, рисованных на стенах (?), о "стихах хохлацких", которыми он "все заборы испачкал" (!?), о том, как сморила Шевченко духота на первом же переходе к Аральскому морю (в мае!).

Все это убеждает, что силы документа "воспоминания" А.Ф.Канфера не имеют, и пользование ими, как достоверными свидетельствами, неправомерно.

КАПЛИН-ТЕЗИКОВ, Константин Иванович - житель села Богородского, Нижегородской губернии, астроном-самоучка и любитель-поэт.

В дневнике Каплина-Тезикова записаны стихи, свидетельствующие о его взглядах:

Глубоко и свято отчизну любя,
Заветную душу открою:
Свобода, свобода, я жажду тебя,
Всею сердцем своим и душою.

Как добрый знакомый А.Д.Улыбышева, от него же он мог узнать и о пребывании Т. Шевченко в Нижнем Новгороде. Вероятными представляются личные встречи двух поэтов - великого и малоизвестного - при содействии выдающегося музыковеда. (В.Рождественский. "Шевченко и наши земляки". Газ. "Ленинская победа", г.Богородск, 1964, 10 марта).

КАРАКАЛПАКИ.

Многовековой процесс смешения азиатских племен, начавшийся еще в 7-2 веках до нашей эры и закончившийся только в 16-17 вв., после слияния с ногайцами, привел к окончательному образованию этногенеза к аракалпакам и их языка. До середины 18 в. этот народ жил в бассейне Сыр-Дарьи, однако после захвата их территории джунгарами был вынужден расселиться в средней Азии, образовав три группы: амударьинскую, ферганскую и зеравшанскую. Еще долгое время каракалпаки пребывали в зависимости от ханов Бухары, оказывавших на них большое давление. Только в 70-х гг. 19 века они стали под знамена России.

Т. Шевченко впервые увидел и узнал каракалпаков в Раиме, где длительное время находилась, подвергалась следствию и умерла группа захваченных в плен представителей этой народности.

КАРЕЛИН, Григорий Силыч (1801-1872) - русский географ и путешественник.

Образование получил в 1-м кадетском корпусе. В 1817 г. начал службу прапорщиком в артиллерии и был прикомандирован к канцелярии Аракчеева. Но вскоре, по доносу о какой-то "шутке" в адрес Аракчеева, пущенной Карелиным в среде товарищей, был скоропалительно отъезден фельдъегерем в Оренбург. Тут ссыльный Карелин всерьез взялся за изучение естественных наук и с 1822 стал систематически выезжать в экспедиции. Он выполнил огромную работу по исследованию казахских степей и каспийских берегов. Именно им были впервые проведены топографические съемки на местах ряда будущих укреплений, в том числе Новопетровского. В 1849 Карелин переселился в Гурьев-городок, где провел более двадцати лет своей жизни, периодически выезжал в Москву и Подмосковье. В Гурьеве он и скончался.

Живя здесь, Г.С.Карелин неоднократно бывал в Новопетровском укреплении, собирая в его окрестностях материалы о жизни зверей и птиц.

Т. Шевченко знал о Карелине по рассказам А.Ф.Головачева ("товарища известного Карелина"); по тому же письму можно предположить, что они могли встречаться и лично. (VI, 80).

"Необыкновенное остроумие и веселость нрава, при разносторонней учености, доставили ему всеобщую известность и уважение", - говорится о Карелине в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона (т.XIV, 1895, СПб, стр.492). Эти качества ученого также говорят в пользу предположения о встречах его с поэтом во время посещения Новопетровского укрепления в 1852-м и последующих годах.

КАРПОВ, Александр Матвеевич - унтер-офицер 5-го Оренбургского линейного батальона.

Начав военную карьеру в 1836 году, Карпов дослужился до обер-офицерского звания, но в середине 40-х годов по указу Правительствующего Сената был "за противозаконные поступки" разжалован. Косвенные сведения убеждают, что разжалование явилось следствием причастности Карпова к одной из офицерских групп, протестовавших против деспотизма в армии и стране.

В пятый линейный батальон Карпов прибыл в июня 1847 и находился здесь весь период службы Шевченко в Орской крепости.

В "Именном списке Оренбургского линейного батальона № 5 нижним чином, поступившим в оный из разжалованных офицеров...", где значится Карпов, есть и другие фамилии: Перекрестова А.В. (которому в энциклопедии посвящена отдельная статья), Гуськова Д.К., Ивашкевича П.В. В отличие от Карпова, они попали сюда за поступки иные. Бывший прапорщик Гуськов - "за пьянство и буйственные поступки", другой прапорщик - Ивашкевич - "за растрату отпущенных ему двукратно прогонных денег". Впрочем, Петр Викторович Ивашкевич - фигура небезынтересная. Он принадлежал к одной из фамилий, которые чаще других встречаются среди участников польского восстания 1830-31 гг. В солдаты его отдали в декабре 1830, за шестнадцать с лишним лет он дослужился лишь до первого офицерского чина, но воспользоваться этим для возвращения на родину не сумел, а в феврале 1847, обвиненный в растрате казенных денег и других "предосудительных поступках", был снова "лишен дворянского достоинства" и разжалован из прапорщиков в рядовые.

Эти лица также находились в Орской крепости одновременно с Шевченко. (ИЛ, ф.1, д.437). В галерее типов, которые прошли перед поэтом за десять лет его солдатчины, они составили одну из разновидностей офицерства тогдашней России.

КАРПОВИЧ, Валериан - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

В 1849 г. Карпович "за порицание распоряжений правительства" был отдан в солдаты. Служил в Уральске и Новопетровском укреплении, где находился весь период пребывания там Т. Шевченко. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.222).

КАТЕНИН, Александр Андреевич (1803-1860) - Оренбургский и Самарский генерал-губернатор, командир Отдельного Оренбургского корпуса после В.А.Перовского, с апреля 1857 г.

Катенин упоминается в июньской (1857) записи Дневника Т. Шевченко как новый генерал-губернатор, без какой-либо его характеристики и оценки. (V, 27). Нрав вновь назначенного губернатора поэт смог ощутить несколько позже, в связи с историей об освобождении и выезде его из Новопетровского укрепления. Коменданту И. А. Ускову, выдавшему ему билет на проследование в Петербург, без заезда в Уральск и Оренбург, грозили серьезнейшие неприятности, и полученное им от Катенина "строгое замечание" было расценено должностными лицами, как "милость".

Шевченко, надолго задержанного в Нижнем Новгороде, как и его друзей, эта история волновала глубоко и долго, о чем можно судить по их переписке. (VI, 173, 174, 179; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.106, 107, 111). Возникшие неприятности они не без основания связывали с действиями А.А.Катенина.

КАТКОВ, Михаил Никифорович (1818-1887) - публицист, издатель журнала "Русский вестник".

В конце 30-х годов Катков примыкал к кружку Станкевича; поддерживал он также связи с Герценом и его соратниками. Но в конце 40-х годов между ними наступил разрыв. Тем не менее идеологические позиции Каткова до начала 60-х годов со всей четкостью еще не выявились. В рассматриваемый нами период в "Русском вестнике" печатались Толстой, Тургенев, Гончаров, Салтыков-Щедрин. Туда же передал С.Т.Аксаков посланную ему Шевченко повесть "Прогулка с удовольствием и не без морали" ("Матрос"). Автор проявлял заинтересованность в публикации произведения (V, 187, VI, 199), но в журнале оно так и не появилось.

Сведений о личном знакомстве Т. Шевченко с Катковым нет, однако на путях возвращения поэта из неволи оно могло состояться - судьба рукописи его продолжала волновать, ответа из журнала не было, редакция же находилась в Москве.

КАТЯ- сестра няни дочерей коменданта Новопетровского укрепления И. А. Ускова.

По воспоминаниям одной из дочерей, Н.И.Усковой-Смоляк, Катя жила в семье на правах воспитанницы, Шевченко тепло относился к ней и Авдотье. В письме Ускову от 17 февраля 1858 г. он писал: "Целую вас всех, и Катю, и няню..." (VI, 207). Известна картина-портрет "Казашка Катя" (т.9, л.61). Катя, возможно, позировала и для другой шевченковской работы - "Казашка" (л.50). Однако, заметим, названия этим работам даны не самим автором, а публикаторами, составителями.

Распространившаяся в печати последних лет версия о том, что Катя, якобы, ранее была украдена "местным купцом" и комендант Усков чуть ли не со специальным отрядом, в который входил Тарас Шевченко, ее освободил, достоверной основы под собой не имеет и является легендой.

КЕБЕР, Густав Васильевич - помощник управляющего Нижегородской удельной конторой.

Глубоко огорченный тем, что встреча с Ф.М. Лазаревским (когда тот проезжал через Нижний Новгород) сорвалась, Т. Шевченко был обрадован появлению у него неделю спустя Кебера.

"... Сегодня посетил меня Густав Васильевич Кебер, - читаем в Дневнике за 3 декабря 1857 г. - Гость совершенно неожиданный. Он большой приятель Ф. Лазаревского, и тот, уезжая из Нижнего, поручил ему увидеться со мною, и добрейший Густав Васильевич сего дня исполнил поручение своего и моего друга. Если бы побольше подобных нечаянностей, как бы прекрасно текли дни нашей жизни". (V, 171).

Исследователи склонны считать, будто радость Т. Шевченко была вызвана, прежде всего, тем, что Кебер принес ему доставленные Лазаревским "захалавные книжки", которые хранились в Оренбурге. Подтверждений этому нет. По некоторым косвенным сведениям автограф афы невольничьей поэзии были у поэта уже в Астрахани. Однако в любом случае наиболее вероятным представляется то, что "поручение" Лазаревского не было простым словесным приветом, а представляло собою нечто требовавшее передачи из рук в руки - прежде всего, письмо, публикуемое в сборнике "Листи до Т. Г. Шевченка" под № 103. Автограф его неизвестен, датируется оно приблизительно. Думается, что это письмо было написано в Нижнем Новгороде 26 ноября (а не в Петербурге 8 декабря) и доставил его ад ресату друг Лазаревского Г.В.Кебер.

Знакомство с ним, ближайшим сотрудником В.И.Даля по службе, продолжалось. 20 января 1858 Шевченко в Дневнике записал о том, что проводил в Петербург некоторых своих приятелей. Среди них упомянут и Кебер. (V, 189).

КЕЛЬКЕВИЧ (Килькевич), Селиверст Станиславович - польский ссыльный, ст.лекарь Раимского укрепления, титулярный советник.

Келькевич родился в 1813 г. в польской дворянской семье. В 1833 поступил в число вольнослушателей Виленской медико-хирургической академии, а в 1835 был принят на казенное содержание. В 1839 он получил звание лекаря и был определен батальонным лекарем в Екатеринбургский гренадерский полк. Однако здесь обнаружились его связи периода учения и, хотя он ни в чем не сознался, а улики не нашли, Келькевича сочли целесообразным перевести в 1843 в Войсковую врачебную управу Оренбургского казачьего войска. (ГАОО, ф.191, оп.1, д.1).

Находясь на службе в оренбургских степях, Келькевич потерял связь с родными, оставшимися в западных губерниях, и четыре года спустя, в 1848, вынужден был официально ходатайствовать об отыскании своих братьев и сестры; только после этого переписка возобновилась. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6035).

Келькевич был близок ко многим сосланным в Оренбургскую губернию участникам освободительного движения. С Шевченко он был связан в 1848-49 гг., во время их пребывания в Раимском укреплении. В воспоминаниях Э.Нудатова Келькевич назван среди наиболее близких приятелей поэта. Шевченко изобразил его на юмористическом рисунке, запечатлевшем Келькевича и еще трех офицеров среди ухажеров А.Цыбисовой.

КЕТЧЕР, Николай Христофорович (1809-1886) - врач, писатель-переводчик, друг Герцена, Белинского, Станкевича, Грановского, Щепкина, Тургенева, активный участник московских общественно-политических кружков.

Т. Шевченко познакомился с ним в 1858 г. в Москве, в доме М. С. Щепкина, и общался на протяжении всех дней пребывания в этом городе. (V, 210, 215, 217). До московской встречи он знал о Кетчере, прежде всего, как о переводчике Шекспира. Переписка свидетелствует о неизменном интересе поэта к кетчеровским переводам произведений великого английского драматурга. (VI, 44, 196).

КЕТЧЕР, Серафима Николаевна - жена Н.Х.Кетчера.

В круг личных знакомых Т. Шевченко включается на основании дневниковой записи поэта от 21 марта 1858 г., свидетельствующей о посещении им дома Кетчеров. Дом, незадолго перед тем купленный для Кетчера его друзьями, находился на 3-й Мещанской улице.

КИЕВСКИЙ СТУДЕНТ - см. Янишевский Н.П.

"Киевский студент" упоминается в письме Т. Шевченко к З. Сераковскому от 6 апреля 1855 года. (VI, 113).

КИНДЯКОВ, Александр Львович (1805-1884) - помещик Симбирской губернии.

Многие представители семьи Киндяковых были близки к литературным кругам. С симбирским их именем и его обитателями связано возникновение замысла романа И.А.Гончарова "Обрыв".

Сам А.Л.Киндяков в прошлом был офицером, участвовал в подавлении польского восстания 1830-1831 гг., дослужился до чина подполковника, после чего вышел в отставку и жил в поместье.

16 октября 1857 г. Т. Шевченко записал в Дневнике о том, зайдя к Н.К.Якоби, "познакомился у него с неким симбирским барином Киндяковым, родственником Тимашева, теперешнего начальника штаба корпуса жандармов". Узнав, что Киндяков направляется в Петербург, поэт попросил его узнать "у своего родственника", как долго еще продлится его изгнание и может ли он "когда-нибудь надеяться на совершенную свободу". (V, 152-153).

КИРЕЕВСКИЙ, Илья Александрович - чиновник особых поручений при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе.

Киреевский родился в 1825 году в дворянской семье, на службу поступил в 1841-м. С мая 1851 "состоящий по армии" майор Киреевский - адъютант губернатора, с марта 1852 - подполковник, с июня 1855 - полковник, "с назначением для особых поручений к командиру Отдельного Оренбургского корпуса". В этой должности служил не менее пятнадцати лет, впоследствии уже не в военном, а в гражданском чине - статского советника. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12884, лл.7, 19; ф.6, оп.12, д.1251; "Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год", стр.2).

Не будучи знаком с Киреевским лично, Шевченко знал о нем по рассказам коменданта Новопетровского укрепления И. А. Ускова, который служил вместе с Киреевским в Оренбурге.

Внутренний мир, человеческая сущность этого высокопоставленного офицера весьма занимали Шевченко и, думая о нем, поэт погружался в раздумья о "власть имущих".

"Полковник этот Киреевский, как видно, птица высшего полета, а по словам коменданта, настоящий аристократ. А что он птица высокого полета, это я заключаю потому, что он служил чиновником особых поручений при графе В.А.Перовском и был с ним в весьма близких отношениях... А следующее дело показывает, что г<раф> П<еровский> весьма неразборчив на своих приближенных и приближает к своей высокой персоне именно шваль... Самую грязную, кабашную шваль, прикрытую полковничьим мундиром и 600-ми крепостных душ.

История такого содержания. Ираклий Александрович Усков (наш комендант), будучи хорошо знаком в Оренбурге с помянутым полковником и аристократом Киреевским, просил его, когда он выехал в Петербург,... выслать ему из Петербурга камеру со всем необходимым для фотографии. Киреевский изъявил... самую обязательную готовность услужить другу. И потребовал за эту услугу 350 рублей серебром. Деньги тотчас же были посланы (в сентябре прошлого года). Получено также весьма

дружеское письмо о получении этой суммы... Тем все и кончилось... Из всего этого оказывается, что... полковник Киреевский - подлец и негоднейшая тряпка". (VI, 159, 167).

Впоследствии, получив свободу, поэт взял на себя труд понудить Киреевского вернуть деньги, но успеха, как можно предположить, не достиг. (VI, 218).

КИРГИЗЫ (кыргызы).

До середины 20-х гг. XX в. в документах и материалах назывались также кара-киргизами или дикокаменными киргизами (в отличие от киргиз-кайсаков, т.е. казахов).

Ранние этапы этнической истории киргизов связаны с древнейшими племенными союзами саков, усуней, гуннов. В дальнейшем киргизская народность формировалась в среде тюркоязычного населения Тянь-Шаня и Саяно-Алтая. Часть племен Северного Алтая и Прииртышья, носивших в IX в. название кыргызов, передвинулась после монгольского нашествия на Тянь-Шань, где слилась с местным населением. Длительный процесс образования киргизского этноса закончился в XVI в. В первой половине XIX в. территория современной Киргизии была захвачена Кокандским ханством. В 50-70-х гг. киргизы добровольно вошли в состав Российской империи. (По материалам "Демографического энциклопедического словаря", 1985).

Одна из народностей, представителей которой Т. Шевченко узнал во время солдатчины в Отдельном Оренбургском корпусе. Различия между ними и казахами были ему известны.

КИРШ, Альфонс-Карл Адамович - чиновник Оренбургской провиантской комиссии, коллежский регистратор.

Земляк и добрый знакомый К.Герна еще по Витебской губернии, Кирш приехал в Оренбургскую губернию "по вызову и по сношению гг. гражданских губернаторов" в 1842 г. До того он успел закончить на родине гимназию и в течение полутора лет прослужить в губернской канцелярии. В Оренбурге начал с должности писца первого разряда, тут получил первый классный чин и перевод в счетные чиновники. В феврале 1848 г. стал заведывать делами одного из подразделений комиссии. (ЦГА Башкортостана, ф.1, д.2467). Служил в провиантской комиссии до июня 1856; уволился в чине коллежского секретаря, "за болезнью". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388). Впоследствии службу продолжал в центральных губерниях. Женою Кирша в Оренбурге была сестра Герна Елизавета Ивановна.

По воспоминаниям Ф. Лазаревского, "в доме Киршей всегдашними гостями были: Сераковский, Залеский, Турно Ои др. Там же довольно часто бывал и Шевченко..." ("Из воспоминаний о Шевченко". "Киевская старина", 1899, кн.2).

КИРШ, Елизавета Ивановна - жена А-К.А.Кирша.

Родная сестра К.И.Герна, она родилась в 1825 году, а умерла в возрасте 30 лет в 1855-м. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.188, л.14).

Е.И.Кирш принимала Шевченко в своем доме, где постоянно собирались ссыльные поляки, встречалась с ним в доме брата, где поэт квартировал значительную часть зимы 1849-1850 гг.

КИСЕЛЕВ, Иван Гаврилович - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона, прибывший в Новопетровское укрепление в мае-июне 1857 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Один из вероятных участников инцидента, едва не обернувшегося для Шевченко новой бедою. (Подробно об этом в статьях "Компиони А.А." Ои "Ледомский А.Н.").

КИШКИН, Владимир Васильевич (1825-1911) - каспийский военный моряк, позднее - капитан парохода "Князь Пожарский".

Формуляр Кишкина в "Общем морском списке" (ч.Х, СПб, 1898, стр.332-333) выглядит следующим образом:

- 1833 - поступил кадетом морской роты Александровского корпуса,
- 1836 - переведен в морской корпус,
- 1842 - произведен в гардемарины,
- 1842-1843 - плавал на фрегатах "Амфитрида" и "Ольга" в Финском заливе,
- 1844 - произведен в мичманы с переводом на Черноморский флот,
- 1845 - на корабле "Трех святителей" крейсеровал в Черном море,
- 1847 - переведен из Черноморского в Балтийский флот,
- 1848 - на шхуне "Радуга" плавал по портам Финского залива,
- 1849 - произведен в лейтенанты,
- 1850 - крейсеровал в Балтийском море на корабле "Бриен",
- 1852 - уволен от службы к статским делам, с чином титулярного советника,
- 1853, 25 февраля - вновь поступил на службу в прежнем чине лейтенанта, с зачислением на Каспийский флот,
- 1857, 5 марта - уволен для службы на коммерческих судах.

Находясь на службе в военном флоте, Кишкин бывал в Новопетровском укреплении, где и познакомился с Т. Шевченко.

Вновь встретились они в Астрахани. Под датой 18 августа 1857 г. в Дневнике имеется запись, сделанная рукою моряка: "В.Кишкин, встреча со старым знакомым". (V, 107).

За дружескими встречами в Астрахани последовало многодневное путешествие Шевченко на пароходе "Князь Пожарский" до Нижнего Новгорода, во время которого капитан оказывал ему немало услуг, делил с ним свои свободные часы, являлся добрым собеседником. На страницах Дневника мы неоднократно встречаем характеристики: "привлекательно благородный капитан", "добрый милый капитан", "симпатический Кишкин" и т.п. (V, 107, 108, 115, 116, 123, 124, 125, 130, 139, 140, 151, 186). Упоминается он и в переписке. (VI, 176).

О новопетровских встречах Шевченко и Кишкина ни документальных, ни мемуарных сведений нет. Однако косвенные данные не оставляют сомнений, что знакомство их произошло именно на Мангышлаке.

КЛАРК, Василий Иванович - журналист, литератор.

Родился и рос в поселке Саткинский завод, Златоустовского уезда, Уфимской губернии в семье лесничего горного ведомства, отставного подпоручика. По окончании гимназии в Уфе учился в Казанском университете, но за участие в студенческих беспорядках был и исключен.

Восстановленный через год в списках студентов, вскоре был вынужден учебу оставить из-за невозможности платить за обучение. Переехал в Нижний Новгород, поступил конторщиком на пароход "Бенардаки" и сразу же связался с прогрессивно настроенной молодежью. Его с женой Эммой Алкиной квартира стала центром революционной работы. В 1891 г. Кларк вынужден был перебраться в Астрахань.

Такова предыстория публикации в мартовской книге "Русской старины" за 1896 г. его статьи "Тарас Григорьевич Шевченко в Астрахани", написанной по воспоминаниям учителя И.П.Клопотовского.

КЛЕМЕНСОВ-МОНТВИД, Дмитрий Григорьевич - литератор. (Настоящая фамилия - Монтвид).

Родился в 1856 г. на Украине, учился в Харьковском ветеринарном институте. За распространение запрещенных книг подвергался обыскам, полицейскому надзору, был отдан на военную службу (1878).

Автор очерков и рассказов, которые публиковались в периодической печати в 80-х годах XIX столетия под псевдонимом "Д.Клеменсов". В 1887 г. в Петербурге вышел в свет его сборник "По волнам". Эпиграфом к рассказу "Христос воскрес" автор взял шевченковское четверостишие, начинающееся словами: "Тяжко жить на свете, а хочется жить..."

Находясь в Пензе, Д.Клеменсов-Монтвид записал воспоминания Э.В.Нудатова о пребывании Т. Шевченко в Раимском укреплении. Эти воспоминания, тогда же предложенные журналу "Киевская старина", не были опубликованы - вероятно, по цензурным соображениям. Только 31 декабря 1890 отрывок из статьи увидел свет в харьковской газете. (Д.Клеменсов. "Кое-что из жизни Т. Шевченко в Раиме. Записано со слов Э.В.Н.". "Южный край", № 3435). Полная публикация статьи (по рукописи, хранившейся в Государственной публичной библиотеке Украины) осуществлена уже в наше время. (Д.Юфанов - "Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка". Киев, 1957, стр.49-73).

Воспоминания Э.В.Нудатова, записанные и обработанные Д.Г.Клеменсовым-Монтвидом, являются наиболее ценным источником для характеристики раимского периода жизни Шевченко, быта и нравов укрепления, его людей. По количеству и качеству мемуарных источников этот важный период беден. Тем указанная статья для нас дороже.

КЛИМОВ, Петр Семенович - казенный денщик коменданта Новопетровского укрепления подполковника А.П.Маевского. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224).

Шевченко, бывая в доме доброжелательного коменданта, общался и с его денщиком, который нередко служил связным между ним и Маевским. В таком плане Климов безымянно упоминается Н. Ф. Савичевым. ("Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр.224).

КЛИМОВСКИЙ (настоящая фамилия Оглоблин), Евгений Иванович (1824-1866) - артист Нижегородского театра.

В 1846 г. Климовский поступил в "консерватор-класс" Большого театра, а вскоре был зачислен в труппу этого театра, где пел партии второго тенора и в дивертисментах - песни и романсы собственного сочинения. На сцене Малого театра артист исполнил ряд ролей с пением, в том числе - Яши Гуслина в спектакле "Бедность не порок". В 1854 Климовский переехал в Петербург, где выступал на сцене Александрийского театра. С 1855 артист начал работать в провинциальных театрах - сначала Костромы, а затем Нижнего Новгорода.

Много теплых, сердечных слов находим мы о нем в мемуарах театральных деятелей. Вот, например, что писал П.М.Медведев:

"... Это была светлая личность, имевшая громадное влияние на всю труппу. Евгений Иванович окончил (по юридическому факультету) Московский университет. Еще будучи студентом, он был в кружке А.Н.Островского, Т.И.Филиппова, П.М.Садовского и др. Музыкант и поэт всем своим существом, он играл на гитаре и чудно пел, большею частью своей композиции романсы и песни. По окончании курса Е.И. кружком Островского был представлен директору театра А.Н.Верстовскому как певец и композитор... Из Е.И. выработался очень хороший артист на характерные роли... Этот талантливый артист и высококачественный человек внес свежую струю в нашу жизнь... Невольно он сделался нашим учителем, Е.И. не читал нам лекций, не ораторствовал, а просто вел беседу об искусстве. Какими знаниями он обладал и как обогатил нас!.. Мы, молодежь, направляемая Климовским, шли быстро вперед..."

(П.М.Медведев. "Воспоминания". Л., 1929, стр.124-127). В сезон 1857-1858 гг. Т. Шевченко видел Климовского в ряде ролей репертуара Нижегородского театра; он отзывался об артисте с похвалой, хотя говорил и о недостатках исполнения. (V, 145, 165, 176, 188, VI, 318). В этот же период возникло и окрепло личное знакомство поэта с артистом; подтверждением приятельских отношений между ними могут служить дневниковые записи. (V, 169, 172, 206).

Евг. Климовский:

"... Я довольно скоро, по переселении моем из Петербурга в губернский город, обратил внимание на все незавидное положение провинциального актера. Вы, столичные, с высоты вашего величия, нимало не замечаете, чему подвергается этот несчастный, но сплошь и рядом великий труженик... Мне стало ясно, что и в провинции великий художник будет великим, а ничтожество останется ничтожеством, хотя бы оно было не только в столице, но даже близ трона..." (ПД, ф.357, оп.3, д.109, письмо к Л.Л.Леонидову).

КЛИМОВСКАЯ, Ольга Яковлевна, урожденная Браво - актриса, жена Е.И.Климовского.

Законным браком Климовские сочетались в Костроме, в 1856 году. В 1857 у молодых супругов родилась дочь Мария. (П.М.Медведев. Воспоминания. Л., 1929, стр.127; ПД, ф.357, оп.3, д.109, л.1).

Дружеские отношения Т. Шевченко с Климовским дают основания причислить к знакомым поэта и жену артиста.

КЛОПОТОВСКИЙ, Иван Петрович - учитель истории и географии в Астраханской гимназии.

Получив образование в Киевском университете, он с 1850 г. служил в Астрахани, поддерживая тесные связи с земляками, прибывавшими в этот город. Его дом являлся местом встреч интеллигенции.

Знакомство Клопотовского с Шевченко, судя по рассказу первого, произошло еще в 1847, когда Шевченко получил назначение на должность университетского преподавателя рисования. Можно предположить, что в бытность поэта в Новопетровском укреплении Клопотовский знал о пребывании его там от участников экспедиции К.М.Бэра, в частности своего коллеги учителя гимназии К.И.Вейдемана. По прибытии его в Астрахань, после окончания солдатчины, Иван Петрович оказал Шевченко свое гостеприимство; дом учителя стал одним из мест, где собирались почитатели поэта.

Известна дружеская запись Клопотовского в Дневнике Шевченко (V, 106). Из Нижнего Новгорода поэт писал астраханскому своему приятелю (VI, 176-177). Значительную ценность представляют воспоминания учителя, записанные и опубликованные В.Кларком ("Русская старина", 1896, март, стр.655-658).

КЛЮКИН, Парфен - унтер-офицер на шхуне "Константин", участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

Начало морской службы Клюкина - 1831-й. В унтер-офицерском чине пребывал с 1841-го. Все годы служил во второй роте 45-го флотского экипажа (Астрахань, Каспий), отмечался как самый исполнительный и опытный. Последующая служба складывалась так же, как и у Абизарова (см. статью о нем).

На "Константине" Шевченко и Ключкин вместе служили в первую навигацию. После плавания 1848 г. унтер-офицер из состава экспедиции выбыл (причина неизвестна).

КОВАЛЬСКИЙ, Юлиан (Юлиан-Константин-Прот) Иванович - рядовой 2-го Оренбургского линейного батальона.

"За недонесение начальству о подговоре его в феврале месяце 1846 года в числе прочих учеников бывшей Щербжешинской гимназии... к побегу за границу в Галицию для присоединения к тамошним мятежникам" двадцатилетний Ковальский был отдан в 1848 в солдаты "без лишения дворянского достоинства". (В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр. 75).

В Оренбурге Ковальский входил в кружок ссыльных, с которым в 1849-1850 был связан Шевченко. Вместе с другими, он запечатлен А. Ф. Чернышевым.

Нелишне, однако, обратить внимание на то, что в Оренбурге в это время находились и другие опальные с той же фамилией. Назовем Томаша Францевича Ковальского - рядового 3-го линейного батальона, умершего в декабре 1850 в возрасте двадцати шести лет от туберкулеза, и Казимира Карловича Ковальского - рядового 2-го батальона (1826-1857). Биографии этих лиц, о которых мы сейчас можем сообщить лишь немногие сведения (ГАОО, ф.173, оп.11, д.188), заслуживают изучения.

КОЗАЧЕНКО, Александр Петрович (1808-1870) - статский советник, председатель Астраханской казенной палаты, тесть А.А.Сапожникова.

Т. Шевченко познакомился с ним в Астрахани, о чем свидетельствует письмо поэта к Клопотовскому, содержащее строки: "Як побачите А.П.Козаченка, то поцілуйте його за мене". (VI, 177).

На пароходе "Князь Пожарский" при участии Шевченко отмечалась двадцать первая годовщина супружеской жизни Александра Петровича и Екатерины Никифоровны Козаченко. (V, 123).

КОЗАЧЕНКО, Екатерина Никифоровна - пассажирка парохода "Князь Пожарский", жена А.П.Козаченко.

Теща А.А.Сапожникова, мать Н.А.Сапожниковой, сестра И.Н.Явленского, дочь Л.Г.Явленской - таковы ее родственные отношения с некоторыми другими пассажирами, упоминаемыми, так же, как и она, в Дневнике Т. Шевченко.

Поэт познакомился с Е.Н.Козаченко еще в Астрахани, в доме Сапожниковых. На пароходе, во время рейса, он выказывал ей всяческую симпатию. (V, 113, 123, 127). Известен портрет Козаченко, нарисованный Шевченко в пути, на пароходе. (X, л.3).

Общение с Е.Н.Козаченко, как и другими членами семьи Сапожниковых, продолжалось в Нижнем Новгороде, 20 и 21 сентября.

КОЗАЧКОВСКИЙ, Андрей Осипович (1812-1889) - врач.

Родился в Переяславе; учился в медико-хирургической академии Петербурга, которую окончил в 1835-м. С весны 1843 был уездным врачом в Курске, а с января 1844 стал лекарем в родном городе. Тут он и служил людям до конца жизни.

Знакомство Т. Шевченко с Козачковским состоялось еще в 1841 г. в Петербурге. К нему он приезжал в августе 1845. В конце октября того года посещение повторилось, причем продолжалось оно, с

небольшими перерывами, до начала января 1846. Длительность пребы вания была связана и с болезнью, от которой его, Шевченко, лечил друг-врач. Эти месяцы стали плодотворными в творческом отношении (поэмы "Наймичка", "Кавказ", посвящение "Шафарику", знаменитый "Заповіт", автопортрет, пейзажи).

Еще более укрепила их дружбу вынужденная разлука. В 1847 г. в Орской крепости поэт написал широко известное стихотворение "А.О.Козачковському". Укрепляла дух Шевченко переписка с Андреем Осиповичем (сохранилось четыре шевченковских письма и два ответных). Козачковский оказывал другу материальную помощь. Моральная же поддержка была взаимной. "Веруй глубококоразумно, писал он мне в одном письме из Новопетровского укрепления, утешая меня в постигшем тогда горе", - вспоминал Козачковский в своих

интересных, содержательных и объективных заметках о Шевченко, первоначально опубликованных в газете "Киевский телеграф" 26 февраля 1875. Новейшая их публикация - в сб. "Воспоминания о Тарасе Шевченко", К., 1988, стр.88-92.

Из письма А.О.Козачковскому (1852, 16 июля).

Поддерживает ли дружбу, или по крайней мере жизнь постоянная переписка? вопрос прехитрый, на который я отвечаю, впоследствии многолетней опытности, так: был у меня во время оно великий приятель (может быть он здравствует и поныне?), так тот-то великий приятель бывало каждую почту дарил меня посланием по крайней мере на двух листах, и я, о! грустное воспоминание! должен был отвечать ему, потому что он был хороший приятель, и если бы не эти убийственные послания мог бы и до сих пор остался хорошим приятелем. А то увы! терпение лопнуло, и дружба врозь. Мне кажется, что от подобной переписки не только дружба, но и самая нежная любовь не уцелеет. Но нам с вами нечего опасаться за нашу дружбу вследствие частой переписки.

Мне кажется, если не ошибаюсь, что со времени нашего знакомства, это будет первое письмо, а знакомы мы ровно 10 лет, да и это письмо, если правду сказать, порождение крайней необходимости, чистосердечию моему простите великодушно.

Вот какого рода необходимость заставила меня начертать послание се нехитрое: в настоящем 1852 году я чувствую приближение той самой болезни, от которой вы спасли меня в 1844 году; если припомните тот целительный бальзам, которым вы меня тогда врачевали, то ради самого Искулапа пришлите рецепт одного <...>

<...> Теперь нужно бы вам написать о нравственном моем житьи-бытьи. Но оно так скверно, что и писать не хочется, а коли говорить хорошего нечего, так лучше молчать. Живу я можно сказать жизнью публичною, сиричь в казармах, муштруюсь ежедневно, хожу в караул, и т.д., одно слово солдат, да еще солдат какой! просто пугало воронье. Усища огромные. Лысина что твой арбуз, точь в точь солдатский портрет, что изобразил Кузьма Трохимович (у Основьяненка). - Шутки в сторону, а написать о себе не могу ничего хорошего, в противном случае это была бы ложь. Живу, можно сказать, одним воспоминанием, да и кто им не живет?

Помните ли нашу с вами прогулку в Андруши, и за Днепр в Монастырище на гору, вспомните тот чудный вечер, ту широкую панораму, и посередине ее длинную, широкую фиолетовую ленту, а за лентой фиолетовый блестит, как из золота кованный, Переяславский собор. Какая-то чудная торжественная тишина. Помните, мы долго не могли промолвить слова. Пока наконец белое, едва заметное пятнышко не запело:

То ярм, ярм за товаром.

Чудный вечер! Чудный край и песни дивные! Много добрых воспоминаний сохранил я о старом Переяславе и о тебе, мой искренний друже! <...>

КОЗЛОВ, Николай Данилович - горный урядник первой статьи, штейгер экспедиции штабс-капитана А.И.Антипова.

Козлов родился в 1834 году, происходил из заводских людей горного ведомства. Закончив начальную школу, он в двенадцатилетнем возрасте пришел на Златоустовский завод для обучения "живописному и позолотному искусствам и рисованию". Четыре года спустя его перевели на Миасский завод, для выполнения чертежных работ, но юноша увлекся горным делом и с 1824 посвятил себя ему целиком. Начав с ученика маркшейдера, он десять лет спустя был произведен в унтер-шихтмейстеры третьего класса. Участвуя во многих экспедициях по устройству золотых приисков на Урале и в Зауральской степи, по разведкам каменного угля и других полезных ископаемых, Козлов становился, последовательно, унтер-шихтмейстером второго, а затем первого класса. В 1848 его произвели в урядники первой статьи.

15 апреля 1850 Козлов получил назначение "в командировку для добычи и разведки найденного на берегах Аральского моря и на Мангышлакском полуострове Каспийского моря каменного угля". 12 июня 1852 горного урядника наградили серебряной медалью "За усердие".

Проработав 37 лет и подойдя к своему 50-летию (1854), он, по его же собственному заявлению и по докладной записке горного инженера А.И.Антипова, "пришел в старческое положение и расслабление сил", а потому попросил "увольнения его в отставку с полным пенсионом".

Неоднократные обращения по этому вопросу, в том числе на "высочайшее имя", к положительным результатам не привели. Козлову ответили, что на пенсию он получит право "не прежде, как по прослужении 35-ти лет, считая с 18-летнего возраста (подчеркивание мое - Л. Б.), или по совершенной неспособности к службе". Ходатайство Антипова было расценено как "совершенно противозаконное". Переписка по этому вопросу закончилась только в мае 1855. Н. Д. Козлов вынужден был продолжать свою многотрудную службу с командировками по обширнейшему краю. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6899).

Т. Шевченко познакомился со штейгером Козловым, будучи прикомандирован с 21 мая по 7 сентября 1851 года к экспедиции Антипова в Каратау. Три с половиной месяца жизни в постоянном, повсечасном общении сблизили поэта-художника с мастером-рудознатцем и другими участниками геологического поиска.

В 1852 и 1853 встречи, вероятно, повторялись, так как Антипов, Козлов и их помощники, продолжая разведку на Мангышлаке, Новопетровское укрепление обойти не могли. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13102). Летом 1855, получив в ответ на просьбу решительный отказ, Козлов вынужден был снова поехать на далекий каспийский полуостров. "Приехал сюда старик Козлов штейгер, - помнишь, что с Антиповым ходил в Каратау, - писал Шевченко Залескому 10 июня 1855. - Он тоже теперь отправляется туда для собрания коллекций окаменелостей. Думал было и я с ним проситься, да раздумал". В том же письме Шевченко сообщал, что принадлежащие Залескому книги будут пересланы им "осенью с штейгером". (VI, 117-119). Встречи с Козловым, по всему судя, и на этот раз были дружескими.

Можно высказать предположение, что описанный Шевченко в следующем письме, от 25 сентября 1855, его поход на Ханги-бабу состоялся не без воздействия таких встреч. "О, какие прекрасные, светлые, отрадные воспоминания в это время пролетели над моей головой!" (VI, 119).

КОЗЛОВСКИЙ, Ян (Иван) Ипполитович - казак Оренбургского казачьего войска.

Ян Козловский, польский дворянин, был отдан в военную службу за участие в восстании 1830-1831 гг. Являясь рядовым 1-го Оренбургского линейного батальона, он, из желания избавиться от солдатской муштры, изъявил в 1838 году согласие перейти в казачье сословие. Отслужив еще шесть лет, вышел в отставку. Но и двадцать лет спустя, в 1864-м, ему не разрешили вернуться на родину, мотивируя это тем, что причисленный к казакам остается в данном сословии, вместе с потомством, навсегда. Не выдержав, Козловский бежал, но был разыскан и водворен на прежнее место - в станицу Верхнеозерную. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.484).

Сведений о знакомстве с ним Шевченко в нашем распоряжении нет. Однако в связи с упоминанием названия станицы следует сказать, что именно здесь, "в доме одного казака", в 1902-1903 гг. краевед Аниховский видел "четыре акварели - картины небольшого размера" и от местных жителей услышал, что, якобы, "картины эти нарисованы поэтом Тарасом Шевченко". Впоследствии, по его же сообщению, "все четыре картины были приобретены Оренбургской архивной комиссией и помещены в музей". ("Оренбургская коммуна", 1935, № 92).

О каких работах идет речь - неизвестно; в экспозиции и фондах Оренбургского музея их сейчас нет. Закономерен, на наш взгляд, вопрос: не Яну ли Козловскому принадлежали эти акварели?

КОКОНИН, Матвей Васильевич - казенный денщик начальника артиллерии гарнизонов Оренбургского округа генерал-майора Г.А.Фреймана. (ГАОО, ф.172, оп.11, д.208).

"Послал тебе... с Фрейманом экземпляр "Спасителя"; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвея спроси ящик на твое имя..." (Из письма Т. Шевченко Б. Залескому от 25 сентября 1855 г.; VI, 120).

КОЛЕСИНСКИЙ, Балтазар Балтазарович - рядовой 5-го, а затем 4-го линейного батальона Отдельного Оренбургского корпуса.

Родился в 1818 году, в дворянской семье Виленской губернии. По окончании Виленского благородного пансиона был принят писцом в комиссию, утвержденную для ревизии действий Гродненского дворянского депутатского собрания. Назначенный в Гродненскую казенную палату, служил здесь журналистом, помощником контролера, контролером. В 1841 получил производство в коллежские регистраторы и перевод в Лидскую дворянскую опеку: сначала секретарем, а позднее, по выборам дворянства, питейным депутатом. С 1846 - губернский секретарь.

Служебная карьера Колесинского оборвалась в 1848: "По конфирмации г.главнокомандующего действующей армией... оказался виновным в сообществе с лекарем Рениером и слушании злонамеренных наставлений против правительства, в покупке у него и чтении запрещенных сочинений, в знакомстве с приезжавшими из-за границы эmissарами, в принятии одного из них у себя на квартире, изъявлении желаний способствовать мятежу, если бы он вспыхнул в западных губерниях". Лишенный "чинов и дворянского достоинства", Колесинский был определен на службу в 5-й линейный батальон, куда прибыл в марте 1848. В апреле 1849 получил перевод в 4-й линейный батальон. В 1853 участвовал в штурме Ак-Мечети, проявил героизм, получил ранение и "за отличие" был произведен в коллежские регистраторы - чин, который он имел за двенадцать лет до этого. Однако и после всех "отличий" Колесинский, уже чиновник канцелярии губернатора, оставался под полицейским надзором, без права покинуть край своей неволи. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13456). Такое дозволение им было получено лишь в 1857 году. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1690).

Первое знакомство Т. Шевченко с Б.Колесинским произошло в Орской крепости: в одном батальоне они служили свыше полутора месяцев. Более близкое знакомство двух изгнанников относится к оренбургскому периоду их жизни (ноябрь 1849 - апрель 1850). В Оренбурге они вместе находились всю зиму и могли встречаться часто.

Убедительным подтверждением таких встреч, больше того - принадлежности к одному кружку, является рисунок А. Ф. Чернышева, запечатлевший Т. Шевченко среди польских ссыльных в Оренбурге. Тут запечатлен и Балтазар Колесинский. Позднее, находясь в Новопетровском укреплении, поэт продолжал интересоваться судьбой товарища и тепло о нем вспоминал. (VI, 90).

КОЛЕСНИЧЕНКОВ, Трофим Яковлевич - "государственный крестьянин Саратовской губернии, Камышинского уезда, слободы Даниловки", переселившийся, вместе с семьей, на Мангышлак в конце 40-х гг. XIX в.

Из Саратовской губернии сюда же переселились семьи государственных крестьян Сергея Яковлевича Колесниченко, Михаила Климовича Колоткина, Емельяна Ильича Верещагина, Агапа Алексеевича Медведева и др.

"Государственным крестьянином Самарской губернии, Бузулукского уезда, волости Лобазы" оставался и на берегах Каспия Егор Михайлович Ломакин.

За волжским городом Петровском по-прежнему числился Дорофей Назарович Стульников. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Т. Шевченко посещал Николаевскую станицу близ Новопетровского укрепления, где, вместе с поселенцами из числа уральских казаков (см. "Сухоруковы"), жили и трудились поселенцы из государственных крестьян, занимавшиеся, как и их соседи, рыбным промыслом.

Встречи и беседы с ними дали Шевченко возможность близко узнать еще одну категорию крестьянства - "государственных крестьян", которым закон предоставлял более широкие права на пользование землей, разрешал переходить в другие сословия и менять места жительства. Жизнь этих "свободных сельских обывателей" была, как мог он убедиться, тяжелой. Не случайно в 1841-45 повсеместно произошли массовые волнения государственных крестьян против поборов и насилий со стороны властей, непрерывно усиливавших гнет феодально-крепостнической опеки. Из мест таких волнений и выехали на Мангышлак названные крестьяне. Желанного достатка, однако, не обрели они и здесь. Ни одна из перечисленных семей не значилась в официальных отчетах пятидесятых годов среди экономически-крепких. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1179, лл.3-4).

Небезынтересен документ 1853 г. Государственные крестьяне Самарской губернии Захар Севастьянов и Егор Гриднев, подав прошение о разрешении переселиться на Мангышлак, получили предупреждение: "тамошняя местность решительно неспособна ни к хлебопашеству, ни к скотоводству и вообще, кроме рыбного промысла и торговли, не представляет поселенцу других способов существования и то лишь при довольно значительных первоначальных с его стороны денежных пожертвованиях". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.734).

КОЛЛЫШКО, Антон Иванович - штаб-доктор Отдельного Оренбургского корпуса, статский советник.

Родился в 1806 году, в семье дворян-католиков Виленской губернии. По окончании курса врачебных наук в Виленском университете получил диплом лекаря 1-го отделения "с дозволением тогда же искать звание доктора медицины" (1828). Этого звания он удостоился год спустя, будучи уже на службе в Отдельном Оренбургском корпусе. Служил сначала в линейном батальоне, а позже в военном госпитале - ординатором, старшим лекарем. С 1845 - штаб-лекарь корпуса. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/8, лл.13-19).

Обладатель одного из высоких чинов губернии, Коллышко являлся видной фигурой Оренбурга, был владельцем большого дома, где им и его женой Юлией Николаевной устраивались приемы.

Сообщаемые сведения дают основание предположить, что Ф. Лазаревский в своих воспоминаниях о Шевченко, написанных через тридцать лет после описываемых событий, искусственно соединил двух докторов - Майделя Ои Коллышко, приписав лечащему врачу Шевченко Майделю то, что относилось к Коллышко: "тайный (статский -Л.Б.) советник", "породистый аристократ", "вращался в самых высших сферах губернской знати" и т.п. Выяснение ошибки мемуариста позволяет назвать еще одно имя, связанное с пребыванием Шевченко в Оренбурге в 1849-1850 гг. и указать более точный адрес того вечера, который описал Лазаревский, ошибочно назвав при этом дом Майделя.

В поисках неизвестных художественных работ Т. Шевченко периода солдатчины следует иметь ввиду вероятность выполнения им портрета (или портретов) Коллышко и членов его семьи.

КОМАРОВСКИЙ, Михаил Петрович - капитан второго ранга.

Поступив в 1825 г. в морской кадетский корпус, Комаровский (род. в 1811) в течение десятков лет, вплоть до 1857-го, служил на Балтийском море, а затем на Каспии. На пароходе "Ленкорань" ходил, до 1854 г., по каспийским портам для перевозки почты; это наталкивает на мысль о возможности знакомства с ним Шевченко еще в Новопетровском укреплении.

Комаровский был одним из пассажиров парохода "Князь Пожарский"; в своем Дневнике Шевченко называет его в качестве "будущего капитана будущего парохода А.Сапожникова", отмечая тут же, что "нарисовал белым и черным карандашом, довольно удачно" его портрет. (V, 128). Портрет пока не отыскан. Публикуемый как изображение Комаровского (X, л.11) таковым, полагаем, не является.

КОМПИОНИ, Андрей Алексеевич - гарнизонный инженер-подпоручик Новопетровского укрепления; в этой должности сменил К.О.Добровольского не позднее весны 1856 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

"Кампиони был инженер, молодой человек, фат, был не прочь покутить", - писала А. Е. Ускова. ("Науковий збірник за рік 1926", т.ХХІ, стр.170).

С Кампиони связан один из мрачных эпизодов последних месяцев солдатской службы Т. Шевченко.

"Пьяный Кампиньони, инженерный офицер и отчаянный пьяница", увидев проходящего мимо офицерского флигеля рядового Шевченко, затащил его в комнату, где шла очередная попойка, но тот, "чтобы не дополнить собою группу волжских разбойников, вырвался из объятий покровителя и выбежал на площадь". Сочтя отказ участвовать в попойке за оскорбление, Кампиони (или Кампиньони, как, по своему, именуется он в Дневнике - Л. Б.) велел арестовать ослушника, и поэт провел ночь на гауптвахте. Но на том происшествии не закончилось - "... совершилась мерзость, которую нельзя было предполагать даже в совершителе ее, мерзавце Кампиньони". Сей офицер подал коменданту официальный рапорт, требуя поступить с Шевченко "по всей строгости закона". Это грозило серьезнейшими бедами и, по совету Ускова, пришлось ему идти просить прощения. "Простоял я в передней у мерзавца битых два часа. Наконец, он допустил меня к своей опохмелившейся особе. И после многих извинений, прошений, унижений даровано мне было прощение с условием сейчас же послать за четвертью водки". Только после этого рапорт был взят обратно. (V, 34-36).

На страницах Дневника Кампиони упоминается и далее. "Этот бессовестный пьяница, ради рюмки лимонки, не постыдился подойти к нам и поздравить меня с получением свободы. Мы (Шевченко, Кулих и Фиялковский - Л. Б.) встали и разошлись в разные стороны, предоставив в полное распоряжение незванного гостя чайник и бутылку с лимонкой..." (V, 83).

Портрет Кампиони - одного из "патентованных мерзавцев" - нарисован достаточно ярко. Дальнейшая карьера этого офицера неизвестна. В 1858, как явствует из названного архивного дела, он еще продолжал служить в Новопетровском укреплении.

КОНДРЕБСКИЙ, Доменик - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Минской губернии, сын офицера, Кондробский (род. в 1823 или 1824) попал в солдаты за участие в заговоре, открытом в 1855 в Минске. Будучи уволен со службы приказом от 1 мая 1857, он находился непродолжительное время в Оренбурге, а в июле того же года выбыл в Уральск, который, в связи с женитьбой, избрал местом своего жительства. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

Д.Кондробский являлся одним из сотоварищей Т. Шевченко в последний период его службы в Новопетровском укреплении. Вновь прибывшие были для поэта источником сведений о новейших политических событиях.

КОНИСКИЙ, Александр Яковлевич (1836-1900) - писатель, историк литературы, общественный деятель.

Крупнейший, авторитетнейший биограф Т. Шевченко XIX ст. В 1892-98 напечатал серию очерков о его жизни, ставших основой книги "Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя" (т.1-2, Львов, 1898-1901); новейшее современное издание: К., "Дніпро", 1991.

Конисскому принадлежала честь выявления многих мемуаров, документальных и других источников воссоздания различных этапов и страниц шевченковской биографии, в том числе, и прежде всего, периода солдатчины. Книга сыграла важную роль в изучении окружения и связей поэта 1847-1858 гг.

Писатель перевел на украинский язык Дневник Т. Шевченко и его повести "Княгиня", "Варнак", "Художник", "Несчастный" и "Наймичка", написанные на Мангышлаке.

КОНОПАСЕВИЧ, Александр Гаврилович - священник Оренбургской Полковой Петропавловской церкви.

Родился в 1804 году. Закончив Минскую духовную семинарию, в 1828-м начал службу в Минской епархии, из которой был переведен в армейское духовенство. После Симбирска и Ревеля получил назначение в Оренбург и прибыл сюда в марте-апреле 1849. Одновременно со службой в церкви, являлся законоучителем в окружной артиллерийской школе и других учебных заведениях. (ГАОО, ф.173, оп.5, д.9825, лл.15-20).

Шевченко бывал в Полковой Петропавловской церкви, так как, помимо всего, посещение богослужений и исповедей для рядовых и офицеров являлось строго обязательным. В одном из архивных дел, например, содержится требование присылки "исповедных списков воинским чинам... с надлежащими отметками, кто из них был и не был на исповеди у св.причастия". (ГАОО, ф.173, оп.5, д.9825).

Прямых сведений о личных связях с Конопасевичем нет ни в переписке Шевченко, ни в мемуарах его современников. Одно из двух главных духовных лиц военной церкви, он, без сомнения, входил в круг гостей дома командира Отдельного Оренбургского корпуса и других знатных домов города. У А.Г.Конопасевича было десять детей.

КОНСТАНТИНОВ (имя и отчество не установлены) - чиновник III отделения, коллежский советник.

Участвовал в следствии по делу членов Кирилло-Мефодиевского товарищества. Его фамилия значится под рядом документов, в том числе об определении Т. Шевченко солдатом Отдельного Оренбургского корпуса. ("Кирило-Мефодіівське товариство", т.2, К., 1990, стр.333).

КОПРОВСКИЙ, Роберт Войцехович - рядовой, а затем унтер-офицер 3-го Оренбургского линейного батальона.

В 1846 г., вместе с С. Круликевичем, И. Завадским и Л. Турно, Копровский был отдан на военную службу за намерение присоединиться к Краковскому восстанию.

Находясь в Оренбурге, постоянно общался с политическими ссыльными, многие из которых (Е.Середницкий, Л.Липский и др.) входили в 1849-1850 в круг знакомых Шевченко. Это, а также былая принадлежность Копровского к политической группе С. Круликевич а, Л. Турно и других известных поэту соизгнанников, убеждает в правомерности причисления его к оренбургскому окружению Т. Шевченко.

В апреле 1855, оставаясь в том же батальоне, Копровский был произведен в прапорщики. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.189; ф.6, оп.12, д.1251; В.А.Дьяков - "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.43-44, 58).

КОРЖОВ, Ефим Иванович - временно исполнявший должность командира полубатальона 1-го Оренбургского линейного батальона в Новопетровском укреплении в начале службы Т. Шевченко на Мангышлаке, капитан.

Докладывая о прибытии "рядового Тараса Шевченко", комендант укрепления Маевский Осослался на "рапорт капитана Коржова". ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.243-244).

В дальнейшем Коржов служил начальником Челябинской этапной команды. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.258).

КОРИН, Петр Иванович - исправляющий должность дежурного штаб-офицера Отдельного Оренбургского корпуса, войсковой старшина. (ГАОО, ф.6, оп.15, д.1175).

В казачьем войске Корин служил с 1824 г., первый офицерский чин получил в 1832-м, войсковым старшиной стал в 1844. "Способности ума" его аттестовались как "весьма хорошие", равно как и знания - гуманитарные, точных наук, военного дела. (РГВИА, ф .405, оп.6, д.7441, л.51 об.-52).

В долгой биографии Корина примечателен факт его участия в нашумевшей почтовой афере брата, подполковника И.И.Корина; из грязного этого дела, разбирательство которого дошло до высших инстанций, казачьему офицеру удалось выйти весьма благополучно. Впоследствии он стал кавалером орденов св.Анны 3-й степени и св.Станислава 4-й степени. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12509; "Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова", стр.130-135).

Корин вел в 1850 всю переписку после ареста Шевченко, в связи с отправкой поэта в Орскую крепость. Его подпись значится под несколькими документами: письмом о доставке Шевченко с гауптвахты в штаб корпуса, рапортом о препровождении к командиру ди визии, еще одним рапортом - о пересылке вещей и книг Шевченко, под описью этих вещей и книг и др. (ИЛ, ф.1, д.406). Не исключено, что Корин участвовал и в самом обыске, предшествовавшем аресту.

КОРМЫШЕВ, Иван Исакович - горнорабочий экспедиции А.И.Антипова, мастеровой Златоустовской оружейной фабрики.

Пятнадцатилетним подростком (в 1838 г.) начал он работать на этой фабрике поденщиком; в 1850-м был "командирован для исследования каменноугольных формаций, открытых на северо-восточном берегу Аральского моря и полуострова Мангышлак". За усердную р аботу на Каратау "награжден

единовременную денежную выдачу". В Златоусте оставил жену Надежду. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6899).

На протяжении трех с половиной месяцев - с 21 мая по 7 сентября 1851 - Шевченко ежедневно общался с Кормышевым и его товарищами по экспедиции в горы Каратау Гонибесовом, Трубеевым, Слигиным, работал вместе с ними, делал с них зарисовки. Можно предположить, что Кормышев послужил для Шевченко одним из натурщиков в его живописных работах. ("Цыгын", "Песня молодого казаха" и др.), а также в рисунках и этюдах, выполненных в период каратауской экспедиции. (т.9, лл.10, 14, 18, 71, 73, 100, 101 и др.).

КОРШ, Евгений Федорович (1810-1897) - журналист и переводчик.

По окончании юридического факультета Московского университета (1828) Корш получил степень кандидата. Длительное время служил библиотекарем университетской библиотеки, редактировал "Московские ведомости", вел политический отдел в журнале "Русский вестник". В 1858-1859 издавал ежемесячный журнал "Атеней". Тогда же началась его более чем тридцатилетняя деятельность в качестве библиотекаря Румянцевского музея.

Корш был близок к кружкам В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Т.Н.Грановского. Связи с Герценом, его изданиями он поддерживал и в пятидесятые годы, о чем свидетельствуют герценовские письма к нему, обнаруженные в Отделе рукописей ГБЛ; одно из них, особенно обширное, датировано июнем 1858. ("Литературная газета", 1970, 21 января).

Т. Шевченко свел знакомство с Коршем на обеде по случаю новоселья книжного магазина Н.М. Щепкина 24 марта 1858. Перечисляя наиболее видных участников встречи, поэт называет и его. К Коршу, таким образом, относятся все лестные характеристики, данные поэтом "московской учено-литературной знаменитости". (V, 217).

КОСАРЕВ, Егор Михайлович (1818-1891) - командир роты, а затем полубатальона 1-го Оренбургского линейного батальона в Новопетровском укреплении.

Происходя из дворян Оренбургской губернии, Косарев получил домашнее воспитание, а на семнадцатом году жизни начал служить в одном из оренбургских батальонов - в первые месяцы рядовым, потом унтер-офицером. В офицеры его произвели в 1839. Почти вся полувековая служба Косарева протекала в степных укреплениях. В 1846 он участвовал в возведении Новопетровского укрепления на полуострове Мангышлак, где затем оставался до 60-х годов. В дальнейшем его послужном списке - должности коменданта форта № 2, а через пять лет - коменданта форта № 1 (Казалинск); здесь он оставался на протяжении пятнадцати лет, до выхода в отставку в чине полковника. (Сведения почерпнуты из некролога в "Туркестанских ведомостях", 1892, № 4).

Почти весь период пребывания Т. Шевченко в Новопетровском укреплении Косарев служил там же, являясь командиром роты и полубатальона, а в период после смерти А.П.Маевского до прибытия И. А. Ускова (первые месяцы 1853 г.) - исполняя обязанности и коменданта укрепления. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.800).

Его воспоминания являются важными источниками изучения новопетровского периода жизни поэта. Они известны в нескольких вариантах. Наиболее полный - в записях Н.Д.Новицкого "На Сырдарье у ротного командира" ("Киевская старина", 1889, март, с тр.561-581). Самостоятельный интерес представляет публикация К.М.Оберучева "Извлечение из дел и памяти: нечто о Тарасе Григорьевиче Шевченко, с 1846 по 1857 год включительно". ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.243-257). Это заметки самого Е.М. Косарева, но при подготовке их к печати были произведены существенные сокращения, в результате чего оказались утраченными важные детали, присутствующие в записи Новицкого. При сопоставлении с названными, еще одна запись тех же воспоминаний (Б.Т.а геев -

"Т. Г. Шевченко по воспоминаниям полковника Косарева". "Русские ведомости", 1897, № 199; "Киевская старина", 1898, февраль, стр.35-41 второй пагинации) интереса не представляет.

В своих воспоминаниях Косарев допускает преувеличение собственной роли в жизни Шевченко, выставляя себя едва ли не ближайшим его другом и неизменным благодетелем. Это противоречит правде. Косареву, привлечшему общее внимание благодаря славе великого поэта, хотелось выказать себя в лучшем свете, и он даже гауптвахтные аресты Шевченко, производившиеся по его приказам, постарался выдать за "акты дружбы".

Но при всех недочетах косаревских воспоминаний, главными из которых являются их недостаточная объективность и весьма заметная поверхностность, никто не донес до нас столько важных фактов и впечатлений о жизни Шевченко на Мангышлаке как Косарев. Благодаря ему мы знаем и о муштре поэта, и о его выступлениях на сцене, и о скульптурных занятиях, и, конечно, о многих людях, среди которых рядовой Шевченко находился в течение семи лет.

Имя Косарева не раз упоминается в Дневнике Тараса Шевченко. (V, 52-53, 72, 83, 128, 164). Связанные с ним записи не оставляют сомнений, что и через семь лет после первого знакомства между ними существовали отнюдь не "приятельские" связи, а Косарев по отношению к поэту, находившемуся уже на пороге свободы, вел себя как заядлый солдафон.

Возьмем, к примеру, запись от 7 июля 1857.

По укреплению разнесся кем-то пущенный ложный слух о предстоящем прибытии великого князя. Ни в чем не разобравшись, "капитан Косарев, заведующий двумя ротами 1 батальона,... назначил почетный караул", в который был включен и Шевченко. "С восходом солнца (несмотря на воскресенье)" началась пригонка амуниции, дабы предстать "перед телячье лицо капитана Косарева".

"... Сказано - сделано. К 7 часам все было готово, в полной амуниции люди были выведены на полянку, в том числе и я, в 7 часов явился сам капитан Косарев во всем своем ослином величии и после горделивого приветствия подошел прямо ко мне, благосклонно хлопнув меня по плечу, и сказал: "Что, брат, отставка?"

Нет, мы еще из тебя сделаем отличного правогофлангового, а потом и с Богом". И тут же отдал приказание капральному ефрейтору заняться со мной маршировкой и ружейными приемами часика четыре в день. Я ужаснулся, услышав это благосклонное приказание..."

24 июля: "Вечером капитан Косарев объявил мне, с претензией на благодарность, что он, по приказанию коменданта, отдал приказ по полубатальону о моем увольнении..."

А 15 сентября, уже на волжском пароходе, сей офицер пришел к поэту во сне: "... явился в полном мундире капитан Косарев и сделал мне почти палочный выговор за то, что я опоздал на ученье".

Как убеждают эти записи, Косарев не столь уж далеко ушел от первого в Новопетровском укреплении ротного командира Шевченко штабс-капитана Потапова, отношение которого к поэту в воспоминаниях своих сам же и осудил. Просто Косарев, будучи умнее преемственника и успев разобраться, кто тот рядовой, как относятся к нему другие (в том числе комендант) и кого его судьба интересует, избрал в отношении необычного подчиненного политику более "гибкую" (о муштре, тем не менее, не забывая).

Так, на наш взгляд, следует относиться к этой фигуре, которая занимает одно из видных мест в биографии Шевченко новопетровского периода его жизни. Сравнения Косарева с комендантом Мироновым из "Капитанской дочки" (в некрологе) или с лермонтовским им Максимом Максимовичем (у Н.Д.Новицкого) были вызваны, пожалуй, удивлением перед богатством его воспоминаний и той ролью, которую отвел он в них самому себе.

Подлинную его роль метко охарактеризовала А. Е. Ускова: "В форте полубатальонным командиром был Косарев, он больше всех следил за Ш-ко; он был фрунтовик, строго требовал исполнения службы, как мне казалось, человек недалекий" ("Науковий збірник за рік 1926", т.ХХІ, Киев, стр.169-170). Эта оценка совпадает с сутью шевченковских записей в Дневнике. Она тем более весома потому, что Косарев в течение ряда лет был связан с семьей Усковых.

КОСАРЕВА, Варвара Васильевна - первая жена Е.М.Косарева. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Шевченко мог познакомиться с ней в 1851-1852 гг., когда, как рассказывал Косарев, стал вхож в "маленькое общество, которое так наконец полюбило его, что без него не устраивало, бывало, уже ничего". ("Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр .251). Это общество группировалось вокруг тогдашнего коменданта А.П.Маевского; в него входили и Косарев с женой.

Косарева умерла, примерно, в 1856 году. Уезжая из Новопетровского укрепления в связи с болезнью, она увезла с собой портрет своего мужа, выполненный Тарасом Шевченко. "Отделанный на полулисте александрійской бумаги, - писал много лет спустя Косарев, - портрет мой и в настоящее время находится в Оренбурге у прежних моих родственников по первой жене, - Колмаковых, - который остался у них после смерти там моей жены". ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.250).

Таким образом, судьба этой, донныне неизвестной, работы Т. Шевченко связана с именем В.В.Косаревой, урожденной Колмаковой.

КОСАРЕВА, Серафима Васильевна - вторая жена Е.М.Косарева. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

"... Пробыв там (в Уральске - Л. Б.) до весеннего времени 1857 г., женился и возвратился обратно в укрепление", - писал Косарев, рассказывая в своих заметках о том, как складывалась его жизнь. ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.256).

С.В.Косарева знала Шевченко в последние месяцы солдатчины, о чем свидетельствует сообщенный Н.И.Стороженко факт передачи ею обстоятельств выезда поэта из Новопетровского укрепления. (Там же, стр.257).

КОССАКОВСКИЙ, Владислав Фадеевич - старший адъютант штаба Отдельного Оренбургского корпуса, капитан. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.246).

Подпись Коссаковского, вместе с подписью начальника штаба Фантон де Веррайона, значится под ответом коменданту Новопетровского укрепления об отказе в ходатайстве о дозволении Шевченко "нарисовать запрестольный образ для церкви... укрепления".

При первой публикации этого документа названная фамилия была указана неправильно. ("Збірник праць ювілейної десятої наукової Шевченківської конференції", К., 1962, стр.266).

КОСТОМАРОВ, Николай Иванович (1817-1885) - украинский и русский историк, писатель, этнограф, один из основателей и ведущих деятелей Кирилло-Мефодиевского товарищества.

Насильно разлученные приговором конца мая 1847, они не встречались до лета 1858, когда их личные взаимоотношения возобновились в Петербурге. Но на протяжении всех лет неволи Т. Шевченко помнил о Костомарове, вспоминал его, думал о нем. "Н.К остомарову" посвящено

проникновенное стихотворение тюремного цикла 1847. Душевной, взволнованной была саратовская встреча с матерью своего товарища, которого наделил самыми лестными эпитетами.

"Т. Шевченко и Н.Костомаров" - тема для глубокой исследовательской книги (не менее важной, чем те, которые посвящались связям поэта Украины с русскими революционными демократами).

КОСТОМАРОВА, Татьяна Петровна (1798-1875) - мать Н.И.Костомарова.

Родом из крепостных, она глубоко сочувствовала горю народному и всегда была верным другом сыну, подвергавшемуся преследованиям за свое свободомыслие (хотя и умеренно-либеральное).

Узнав на "Князе Пожарском" о том, что Костомарова живет в Саратове, Т. Шевченко сразу же по прибытии парохода в этот город направился к ней и "с полудня до часу пополудни провел у Татьяны Петровны". Впечатления от встречи переданы в дневниковой записи за 31 августа 1857: "И, Боже мой, чего мы с ней не вспомнили, о чем мы с ней не переговорили. Она мне показывала письма своего Николаши из-за границы и лепестки фиалок, присланные ей сыном в одном из писем из Стокгольма от 30 мая. Это чи сло напомнило нам роковое 30 мая 1847 года, и мы, как дети, зарыдали. В первом часу ночи я расстался с счастливейшею и благороднейшею матерью прекраснейшего сына". (V, 114).

"В Саратові бачився я з старою Костомарихою..." - сообщал Шевченко М. М. Лазаревскому из Нижнего Новгорода полтора месяца спустя. (VI, 175).

Еще 19 мая 1847 Шевченко написал стихотворение "Н.Костомарову", навеянное подлинным случаем, когда из окна своей камеры поэт увидел в тюремном дворе Татьяну Петровну, пришедшую на свидание к сыну. (II, 14). До этого он видел Костомарову в 1846-м, а затем в апреле 1847-го, в день своего ареста. ("Автобиография Н.И.Костомарова" - соответствующий отрывок - в книге "Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників", стр.127-128).

Упомянутое в Дневнике 30-е мая 1847 это последний день нахождения Шевченко и Костомарова в петербургской тюрьме, перед отправкой их к местам наказания.

Автограф стихотворения автор подарил Т.П.Костомаровой в Саратове.

Встреча с Шевченко произвела большое впечатление и на Татьяну Петровну. Об этом свидетельствовала Е.Н.Пыпина, которая на следующий день имела возможность слышать взволнованный рассказ Костомаровой о посещении ее поэтом. Она "описывала во всех подробностях свою встречу и беседу с Шевченко, а мы с жадностью ловили каждое ее слово". ("Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами...", стр.202).

КОСТРОМИТИНОВ, Николай Федорович - старший переводчик Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский секретарь.

Костромитинов родился в 1806 году; происходил он из купеческих детей (в Оренбурге у него был деревянный дом). В 1826 г. его зачислили на службу в канцелярию Оренбургского военного губернатора; тут он, последовательно, был копиистом, подканцеляристом, переводчиком с татарского, казахского и других языков. С 1831 Костромитинов в Оренбургской Пограничной комиссии - переводчиком, с одновременным выполнением "попутных" обязанностей - следователя либо казначея, а в последние годы, после стажировки в Санкт-Петербурге, - старшим переводчиком. Самые ответственные задания поручались именно ему. "Кроме своей прямой обязанности, которую исполнял, как и всегда, с отличною отчетливостью и быстротою, - читаем в бумагах 1848 г. - был командирован... в среднюю часть орды, по случаю возникших там между киргизами недоразумений и беспорядков по найму верблюдов, успел ловкими внушениями и убеждениями устранить совершенно расстройство в сем верном деле в самом начале и тем содействовал его успешному

окончанию; кроме сего,... при разбирательстве взаимных претензий киргизов сибирского и оренбургского ведомств... внушенным к себе доверием <способствовал> неожиданно счастливому окончанию в течение одного месяца этого важного дела". (ГАОО, оп.10, д.6057/б, лл.5-6, 22-27).

Оренбургский знакомый Т. Шевченко, Костромитинов упоминается им в письме к Ф. Лазаревскому от 2 августа 1852, где поэт сообщает, что осенью 1850 (вероятно, направляясь через Оренбург в Новопетровское укрепление) спрашивал о Лазаревском у Костромитинова и получил от него интересовавшие сведения. Тут же Шевченко просит: "... як побачиш Костромитенова, то поклонись йому гарненько". (VI, 77-78).

Не исключено, что Шевченко бывал в доме Н.Ф.Костромитинова. Дом (он не сохранился) стоял у перекрестка совр. Матросского переулка и улицы Володарского, неподалеку от Сакмарских ворот. (В.В.Дорофеев. "Оренбург шевченковский". Научные записки Оренбургского Института Тараса Шевченко, 1-я тетрадь, стр.26-27).

КОШЕЛЕВ, Александр Иванович (1806-1883) - публицист и общественный деятель.

В юности член московского Кружка Любомудров и Литературного общества С.Е.Раича, близкий на протяжении многих лет к славянофильским кругам, он являлся автором одного из радикальных проектов крестьянской реформы и деятельным участником ее проведения в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов. В шестидесятые-семидесятые годы Кошелев играл видную роль в земско-либеральной оппозиции. Известны его "Записки" (СПб, 1884). Жизни и деятельности этого человека посвящен труд Н.П.Колюпанова "Биография Александра Ивановича Кошелева", т.1-2, М., 1889-1892).

Для более объективной характеристики Кошелева стоит привести высказывание Б.Н.Чичерина, хорошо его знавшего: "Я мало встречал образованных людей с меньшею способностью к теоретическим вопросам. Иногда я даже удивлялся, как человек несомненно очень умный в сфере практических интересов, оказывался до такой степени слабым, когда речь заходила о теоретическом предмете. Он не умел поддерживать ни одной мысли, а целиком глотал то, что клали ему в рот его друзья, повторяя одно и то же положение без малейшего доказательства... В практических делах, напротив, он был смыслен и толковит... Он составил себе большое состояние

в откупах... На его средства издавались все славянофильские журналы и сборники..." ("Воспоминания Б.Н.Чичерина. Москва сороковых годов". М., 1929, стр.232-233).

Знакомство Шевченко с Кошелевым произошло в марте 1858 в Москве. Он был участником обеда, данного 25 марта в честь поэта Украины М. А. Максимовичем. Вечером Шевченко, вместе с Аксаковыми, поехал к Кошелеву домой. Здесь у него состоялись новые интересные встречи, в том числе с декабристом С. Г. Волконским. (V, 218).

Нелишне отметить, что в этот период Кошелев, как и некоторые другие видные славянофилы, находился в контакте с А.И.Герценом. Это, думается, также могло стать темой для разговора.

КОШЕЛЕВА, Ольга Федоровна, урожд. Петрово-Соловова - жена А.И.Кошелева (с 1835 г.).

Кошелева, вместе с мужем, являлась участницей музыкально-литературных салонов и кружков в Москве. Встречи происходили и в доме Кошелевых, привлекавшем значительную группу литераторов, ученых, деятелей культуры.

Т. Шевченко познакомился с Ольгой Федоровной на обеде у Максимовичей (об этом нам известно из письма А.П.Елагиной), а затем в доме Кошелевых (V, 218). В письме из Петербурга от 5 апреля 1858 он посылал "низенький поклон Кошелевым". (VI, 215).

КОШКУЛЬ, Василий Карлович (1827-1857) - лейтенант флота на пароходе "Куба".

Из дворян Курляндской губернии, лютеранин. В морском кадетском корпусе состоял с 1841; с 1850 - лейтенант. Служил на судах Балтийского моря, участвовал в боях на Кронштадтском рейде. Совершенствовался по астрономической части при Главной Николаевской обсерватории, после чего был командирован в качестве помощника начальника экспедиции по описи и промеру Каспийского моря. Погиб при крушении "Кубы" в ночь с 14 на 15 сентября 1857. (РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.487; ф.256, оп.1, д.264, л.14).

Кошкуль был одним из участников встречи группы моряков с "Кубы" на комендантском "огороде" 17 июля 1857. (См. статью Поскочин Н.П. Ои приложение к ней).

КРАББЕ, Николай Карлович (1814-1876) - представитель морского министерства по организации Аральской экспедиции. Впоследствии генерал-адъютант, управляющий морским министерством.

Прикомандированный в 1847 г. к начальнику Отдельного Оренбургского корпуса "для исполнения поручений по морской части", Краббе провел первоначальные работы по сооружению баркасов на Сырдарье и разведке Аральского моря. ("Русский биографический словарь", т.9, СПб, 1903, стр.397-399).

В Оренбургском крае, однако, Краббе сделал мало, и прибывшему в 1848-м А. И. Бутакову пришлось начинать чуть ли не с самого начала. Вполне определенно сказал оренбургский старожил: "Молодой, образованный А. И. Бутаков много положил труда и здоровья на исследование Аральского моря и образование Аральской флотилии; Краббе же ухаживал за барынями, рыскал верхом и приезжал единственно для получения награды". ("Записки Н.Г. Залесова". "Русская старина", 1903, май, стр.289).

Шевченко, высоко ценивший труд истинных первооткрывателей Аральского моря А. И. Бутакова, К. Е. Поспелова и других, мог видеть в Краббе лишь резкий контраст этим людям - бескорыстным подвижникам науки и самоотверженным мореходам.

КРАВЦОВ, Никанор Григорьевич - житель села Богородского, Нижегородской губернии, композитор-любитель.

Будучи в добрых отношениях с А.Д. Улыбышевым, встречаясь с ним, Кравцов, по свидетельству современников, проявлял большой интерес к Т. Шевченко, пребывавшему в то время в Нижнем Новгороде. Вполне вероятны их личные встречи в доме Улыбышева, а также и на музыкальных вечерах в других домах губернского центра. Впоследствии Кравцов сочинил музыку к русскому тексту шевченковского "Заповіта". (В. Рождественский. "Шевченко и наши земляки". Газ. "Ленинская победа", г. Богородск, 1964, 10 марта).

КРЕСТЬЯНЕ.

Податное низшее сословие, составлявшее большинство населения России. Крестьяне несли все повинности, подлежали телесному наказанию, отдавались в рекруты. До 1861 крестьяне делились на помещичьих и государственных.

После крестьянской реформы 1861 бывшие помещичьи крестьяне вплоть до перевода на выкуп (затянувшегося до 90-х гг.) считались временно обязанными. Выкупившийся или вольноотпущенный помещичий крестьянин должен был избрать род занятий, т.е. приписаться либо к мещанскому обществу, либо к гильдии, либо к обществу гос. крестьян, либо поступить в учебное заведение, окончание которого давало ему соответствующие права и статус (напр., свободного художника).

Государственные крестьяне имели свои выборные власти, избирали заседателей в земский суд. Они имели право перейти в мещане или купцы, получив свидетельство от общины, что за ними не числится недоимок, что их участок не будет заброшен, а также гарантировав уплату подушной подати на 3 года вперед.

Крестьянская реформа не полностью отменила неравноправное положение крестьян. Даже став артистом или литератором, крестьянину надлежало брать паспорт в волости, платить подушные и выкупные платежи; в гос. учреждениях к нему официально обращались на "ты". Выход из общины был крайне затруднен. Только в 1906 крестьяне получили право свободного выхода из общины и право частной собственности на землю.

Сам из крестьян, потомственный крепостной, Т. Шевченко, находясь далеко от родины, неизменно интересовался жизнью своих братьев - крестьянства Оренбургской губернии. Тут он встретил крестьян-переселенцев, государственных крестьян, дворовых людей и денщиков из числа крепостных и др. Круг таких знакомств еще более расширился после освобождения от солдатчины - на Волге и в Нижнем Новгороде (об этом в статьях: Дадьянов, Демидов, Возницын и др.). Шевченко стал очевидцем (и участником?) словесных баталий вокруг проблем "улучшения быта помещичьих крестьян", проведения крестьянской реформы (см. нижегородские записи в Дневнике).

КРОНЕБЕРГ, Александр Иванович (1824-1865) - зоолог, публицист.

Сын профессора-латиниста И.Я.Кронеберга, он принадлежал к семье, тесно связанной с прогрессивными общественно-политическими и литературными кругами Москвы. Сам Александр Иванович примкнул к ним еще во время ученья в Московском университете. По окончании его он работал не только в области естественных наук, но и в журналистике, выступая со статьями по проблемам современности.

Т. Шевченко встретился с ним в Москве, 24 марта 1858 года, на новоселье книжного магазина Н.М. Щепкина. "Кронеберг-сын" (V, 217) - это он, а вовсе не его брат Алексей Иванович, известный переводчик (умерший в 1855-м).

КРУЗЕ, Николай Федорович (1823-1901) - московский цензор.

Уроженец Харькова, фон Крузе там же получил образование, закончив в 1844 г. университет. Служил по ведомствам внутренних дел, народного образования, сената. В апреле 1855 был назначен цензором и пробыл в этой должности до 1859, когда в связи с обвинениями в "либерализме" к авторам оказался вынужденным уйти в отставку.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.

Так писал Н.А.Некрасов о Крузе.

Прожив за границей и в деревне до 1865, он вернулся на государственную службу. Позднее был председателем Петербургской земской управы и членом совета Дворянского банка.

Крузе принадлежат статьи в "Русском вестнике", "Русской старине", "Вестнике Европы", других повременных изданиях. (Автобиография; ПД, ф.274, оп.1, д.396, л.38).

Т. Шевченко впервые познакомился с Н.Ф.Крузе в Москве, в марте 1858. Он входил в круг прогрессивной московской интеллигенции, с представителями которой, в том числе Николаем Федоровичем, поэт встретился как "с давно знакомыми родными людьми" (V, 217). До этого его

знакомство с Крузе было заочным: он являлся цензором книг П.Кулиша, и тот в письме своем в Нижний

Новгород выражал надежду на содействие этого человека в переиздании "Кобзаря" и "Гайдамаков". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.124).

КРУЛИКЕВИЧ, Станислав (Степан) - рядовой Отдельного Оренбургского корпуса.

В 1847 году Круликевич (род. в 1816 г.) "был отдан в службу за намерение присоединиться к краковским мятежникам и склонить к тому же рекрут, находившихся в горных заводах Царства Польского". В Оренбургском корпусе состоял до ноября 1855, когда получил увольнение от военной службы "с оставлением на жительство в Оренбургском крае с учреждением над ним строгого полицейского надзора".

Небезынтересно заметить, что такой надзор был признан необходимым именно в отношении его (многих, в том числе М.Ходоровича, П.Круневича, Б.Колесинского и других, от полицейского надзора освободили).

По принятому в отношении Круликевича особенно жесткому решению можно судить, что свой бунтарский дух он проявлял и во время солдатчины. В Оренбурге Круликевич находился до конца 1857, после чего из пределов губернии выехал. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13456; оп.18, д.341, 351, 375).

Шевченко познакомился с Круликевичем по приезде в Орскую крепость, где польский изгнанник служил в том же 5-м батальоне, в который был назначен и поэт Украины. Для Шевченко это был первый встреченный им человек, который перенес дикое истязание - тысячу ударов шпицрутенами. Не он ли стал впоследствии одним из реальных прототипов несчастного в "Наказании шпицрутенами"? С большей определенностью можно заявить, что именно знакомство с Круликевичем и другими поляками, с которыми сблизился уже в начальный период солдатской службы, вызвало к жизни замысел, а затем и первый вариант стихотворения "Полякам". (II, 51-52).

Связи Шевченко с Круликевичем продолжались в походе из Орской крепости к Аральскому морю и далее, на Арале. В дошедшей до нас переписке периода солдатчины имя С. Круликевича не упоминается.

Следующая встреча соизгнанников произошла 7 января 1858. О ней имеется запись в Дневнике: "Круликевич, возвращаясь на родину из изгнания (с берегов Сырдарьи), узнал случайно о моем пребывании в Нижнем и сегодня посетил меня..." (V, 184). В свете этого "случайно" можно считать безосновательным предположение биографа поэта А.Конисского (правда, высказанное нерешительно и, по сути, им же перечеркнутое) о том, что именно Круликевич привез Шевченко хранившиеся у Герна рукописи его стихов. Тем не менее встреча была интересной.

Заканчивая эту статью, уместно напомнить об имевшей еще недавно место путанице, когда отдельные исследователи отрицали наличие среди польских изгнанников - друзей Шевченко человека по фамилии Круликевич, утверждая, что это всего-навсего искаженное написание другой, достоверной фамилии - Круневич. В настоящее время ясность в этот вопрос внесена. Для тех же, которые не хотят отказаться от своей версии, приведем еще один довод.

Обнаруженное автором архивное дело, на которое приходилось ссылаться уже не раз, имеет название: "Дело канцелярии генерал-губернатора по вопросу начальника Оренбургской губернии: подлежат ли проживающие в Оренбурге польские уроженцы Валериан Станиш евский, Гвидон Ходорович, Балтазар Колесинский, Павел Круневич, Михаил Ходорович, Степан Круликевич и Иван Павловский полицейскому надзору?" Подчеркнутые нами имена-фамилии - достаточно убедительный довод в пользу прекращения спора.

КРУНЕВИЧ, Павел Адамович (1825-1871) - врач 4-го Оренбургского линейного батальона, а затем личный врач В.А.Перовского.

Круневич родился в Виленской губернии, образование получил на медицинском факультете Московского университета, а через год после возвращения в Вильно, в 1849, был арестован за укрывательство лиц, которые разыскивались властями. После неудачной попытки побега с первого места военной службы, куда его определили по конфирмации, он в 1851 оказался в 4-м Оренбургском линейном батальоне. В 1853 участвовал в штурме Ак-Мечети, после чего, за отличие, получил увольнение со службы военной, производств о в коллежские регистраторы и разрешение проживать в

Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13456, л.9). В 1854 Круневич сменил И.В.Павлова в качестве врача при генерал-губернаторе В.А.Перовском; служил он здесь до 1857, затем выехал в Петербург, а "после смерти Перовского был назначен лейб-медико м". ("Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова", стр.142). В столице Круневич возобновил связи с демократическими кругами, в том числе с активными деятелями русского и польского революционного движения Чернышевским, Савицким и др.

Т. Шевченко во время своей солдатской службы встречаться с Круневичем не мог: они находились в различных, и притом весьма отдаленных одно от другого, местах, их пути не пересекались. Личная встреча произошла в первые дни после прибытия поэта в Петербург. Но Шевченко не случайно называет Круневича в числе своих "соизгнанников оренбургских". У них было много общих знакомых, через которых Шевченко и Круневич, несомненно, могли узнать - и знали - друг о друге. К таким друзьям относились Б. Залеский, З. Сераковский, М.Цейзик и др. Зная о принадлежности Круневича к свите Перовского, они старались использовать для облегчения участи Шевченко и это.

Что касается встреч личных, уже в Петербурге, то о них писал сам Шевченко (V, 224-226, 234). Круневич лечил поэта в период смертельной его болезни.

КУБАЦКИЙ, Владислав - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Виленской губернии, Кубацкий был отдан в солдаты "за прикосновенность к злоумышленному обществу". В течение нескольких лет служил в 5-м линейном батальоне. Из Орской крепости его перевели в Уфу. Состоя на службе в губернской дорожной комиссии, Кубацкий оставался под гласным полицейским надзором и только в 1857 из-под надзора был освобожден. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.332, 351).

В.Кубацкий значится в "Списке нижним чинам, поступившим в 4 роту Оренбургского линейного № 5 батальона за разные преступления". Здесь указано, что прибыл он 8 июня 1850 г. Таким образом, сослуживцем Шевченко в Орской крепости Кубацкий являлся почти четыре месяца. (ИЛ, ф.1, д.484, 489).

КУДЛАЙ, Петр Дмитриевич - младший полицмейстер Нижнего Новгорода, капитан.

Происходил из дворян Петербургской губернии. Военную службу начал в восемнадцать лет, причем первые семь лет (1838-1845) нес ее в карабинерном полку. Затем участвовал в военно-судных делах над крестьянами Витебской губернии и вернулся в Петербург для несения караульной службы. С 1851 служил в штате нижегородской полиции. (ГАНУ, ф.5, 1858, д.172).

Т. Шевченко впервые встретился с Кудлаем 3 октября 1857. Их сближению способствовало то, что новый знакомый, как выяснилось, был другом и родственником "незабвенного друга и товарища" Шевченко по Академии художеств П.С.Петровского. "Многое и многое разбудил он в моем сердце своим живым воспоминанием о прекрасных минувших днях". (V, 146). Обе стороны поддерживали

знакомство в течение всего периода пребывания поэта в Нижнем Новгороде; Кудлай оказал ему ряд услуг. (V, 147, 168, 205, 206, 209) .

КУЗИЧКИН (имя-отчество неизвестны) - бывший казначей 4-го учебного карабинерного полка в Нижнем Новгороде, поручик; происходил из кантонистов, был женат на богатой помещице.

Кузичкин являлся одним из участников встречи с Т. Шевченко на квартире Огурцова, описанной В.Н.Никитиным (см. статью о Никитине).

КУЛИХ, Франц Карлович - рядовой, а затем унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Биография Кулиха неизвестна. По записям в названном выше деле удалось установить, что в Новопетровском укреплении он служил два срока.

Знакомство с ним Шевченко произошло до 1853 г. (к которому относится первое упоминание о рядовом Кулихе в метрических книгах). Позднее (очевидно, в 1855) он, вместе со второй ротой того же батальона, выехал в Уральск и вернулся на Мангышлак в конце июня 1857, уже в чине унтер-офицера и в должности каптенармуса. Вторая из обнаруженных нами записей свидетельствует о том, что и в 1858 Кулих продолжал свою службу в Новопетровском. В письме Ф.Фиялковского, написанном в начале рокового для поэта 1861 года, сообщается: "Кулих какое-то время гостил у меня после возвращения из Новопетровского и завидовал моему счастью, но, вызванный в часть, вернулся на Кавказ". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.215).

Имя Кулиха неоднократно упоминается на страницах Дневника. Это он привез из Уральска подарок С.Пшевлочкого - "Эстетику" Либельта. С ним вспоминал поэт старых знакомых по первым годам службы в Новопетровском укреплении - в том числе рядового Скобелева, горькую историю которого поведал, по уральским своим воспоминаниям, именно Кулих. От Кулиха услышал Шевченко о прибытии почтовой лодки (она-то и привезла долгожданное известие о свободе). Кулих устроил дружеский обед в честь этого события, продолженный затем под "шевченковской вербой" - обед, во время которого разгорелся горячий спор о Либельте и его философии. (V, 50, 54-55, 64, 80-82, 89).

Все это повышает наш интерес к Францу Карловичу Кулиху - особенно к предыстории его солдатчины.

КУЛИШ, Пантелеймон Александрович (1819-1897) - украинский писатель, историк, этнограф, фольклорист.

Т. Шевченко познакомился с Кулишом в 1843 г.; вместе участвовали в организации и деятельности Кирилло-Мефодиевского товарищества. Разлученные царским приговором на долгие годы, они друг о друге вспоминали и старались знать больше. Несмотря на различия во взглядах, Кулиш способствовал публикации поэзии Шевченко еще тогда когда это было строгойше запрещено. "Кобзарь" 1860 г. увидел свет при его непосредственном участии.

Взаимоотношения Т. Шевченко и П.Кулиша - тема капитальная, из важнейших, требующая специального (притом беспристрастного, идеологически не зашоренного) исследования, нового, современного во всех отношениях, исследователя. Кто же займется солидным, о сновательным трудом "Шевченко и Кулиш"?

КУПЦЫ

Сословие в российском обществе. Купцы пользовались свободой от подушной подати, от телесных наказаний и рядом других привилегий. Принадлежность к купечеству достигалась уплатой гильдейских платежей, но не была наследственной; приписаться к одной из гильдий мог любой человек свободного состояния.

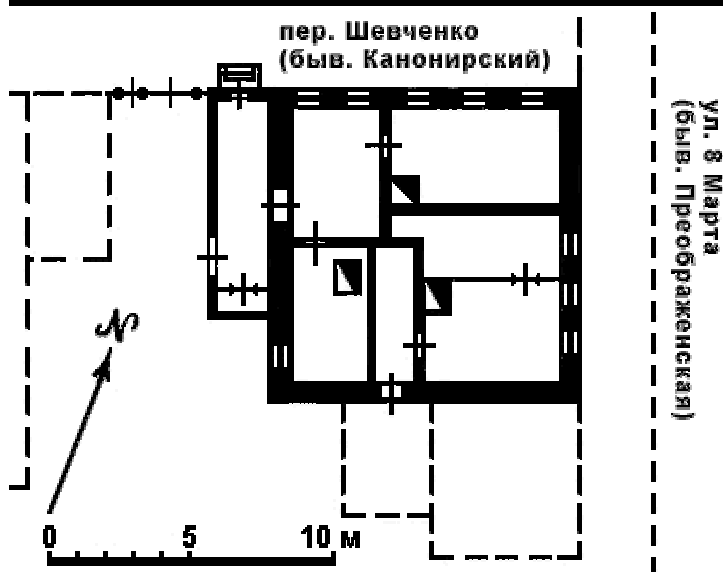
Первоначально существовало 3 гильдии. 1-я гильдия требовала объявленного капитала не менее 50 тыс.руб., 2-я - 5 тыс.(с 1807 - 30 тыс.), 3-я - от 1 до 5 тыс.руб. (с 1807 - 8 тыс.); объявленный размер капитала проверке не подлежал. Основные привилегии (свобода от телесных наказаний и от рекрутской повинности) предоставлялась купцам первых двух гильдий. Право заниматься торговлей (кроме мелочной) и содержать промышленные предприятия (кроме мелких промыслов) имели только лица, приписанные к гильдиям. Право вступления в гильдии давало приобретение гильдейских свидетельств; причем сохранилось лишь 2 гильдии: 1-я для лиц, занимавшихся оптовой торговлей (плата за свидетельство 565 руб.), 2-я - для торгующих в розницу и владеющих фабриками (не менее 16 рабочих); гильдейский сбор для 2-й гильдии составлял, в зависимости от класса местности (всего было 5 классов), от 40 до 120 руб. в год. Лица, не принадлежавшие к купечеству, могли брать временные платные свидетельства на право торговли и промыслов; дворяне в таком случае не освобождались от дворянских обязанностей, но и не лишались дворянских прав.

К купеческому сословию принадлежали и члены семьи владельца гильдейского свидетельства, записанные с ним на один капитал. Купеческие права утрачивались в результате банкротства, по суду (в связи с приговором о лишении прав состояния) и в результате невозобновления гильдейского свидетельства.

Т. Шевченко общался с купцами (и их приказчиками), а также с членами купеческих семей и выходцами из купеческого сословия в Орской крепости и Раимском укреплении, в Оренбурге и Новопетровском на Каспии. Конкретные сведения - в персональных статьях энциклопедии (Деев С.М., Попов И., Путолов И.Ф. и др.).

КУТЕРЕМ - см. Ван-Путерен Д.И.

Под фамилией "Кутерем" (нарочито шутливой?) Ван-Путерен упоминается в нижегородской записи Дневника за 20 января 1858 года. (V, 189).

прерывистыми линиями на плане даны позже пристроенные помещения

КУТИН, Михаил Иванович - чиновник (вагстемпельмейстер) Оренбургской пограничной таможни. (ГАОО, ф.172, д.11), владелец дома на углу Преображенской улицы и Канонирского переулка в Оренбурге (ныне угол улицы 8 Марта и переулка Шевченко).

В этом доме снимал квартиру Ф.М. Лазаревский. Сюда Шевченко впервые пришел в первые дни по доставке его в Оренбург (июнь 1847). Тут он проводил много времени в течение "оренбургской зимы" 1849-1850, встречался с друзьями. Здесь провел и ночь после обыска, с 22 на 23 апреля 1850, произведенного в его квартире в доме Герна.

М.И.Кутин вел с 1822 по 1865 годы семейную тетрадь-хронику, но она не сохранилась. Сначала оказались неизвестно кем вырванными листы за 1849-1850, а затем, уже в середине 30-х годов XX столетия, исчезла и тетрадь в целом. Об этой, весьма интересной тетради, кратко писал А.Бочагов, ее видевший. ("Где жил Шевченко?" Сборник "Т. Г. Шевченко в ссылке", Чкалов, 1939, стр.168).

КУТИНА, Александра Петровна - жена М.И.Кутина. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.11).

Как хозяйка дома, Кутина принимала и потчевала Шевченко. С ее слов записал воспоминания о посещении поэтом дома Кутиных П.Л.Юдин: "Ходил он по городу всегда в солдатской шинели и только под низом ее надевал синие шаровары и белую, вышитую на груди и по рукавам, хохлацкую рубаху. Был у него приятель офицер хохол (Ф. Лазаревский, который жил у Кутиных - Л. Б.). Шевченко чуть не каждый день навещал его. Вдвоем они коротали зимние вечера за чайком и водочкой. Придет, бывало, он к нам, сейчас ши нель долой, повесит ее в передней на гвоздик, расправит свои длинные черные усы, и первый его вопрос в шутовском тоне: "Ой, чи живы, чи здоровы вси родичи гарбузовы?.." (П.Юдин. "К биографии Т. Г. Шевченко". "Русский архив", 1898, книга третья, стр.4 70).

КУТИН, Аполлон Михайлович - сын М.И. и А.П.Кутиных.

А.Кутин родился в 1835 г.; в 1849-50 - учащийся Оренбургского уездного училища, которое в 1850 и окончил. (ГАОО, ф.77, оп.1, д.1, л.18). Впоследствии - чиновник Оренбургского отделения государственного банка.

Справка дается в связи с укоренившейся в литературе путаницей: владельцем дома, в котором бывал Шевченко, называют Аполлона, а не М.И. и А.П.Кутиных, владевших им в то время. (Статьи

Н.Прянишникова и А.Бочагова в сб. "Т. Г. Шевченко в ссылке", Чкалов, 1939; А.Ведмицкий - "Т. Шевченко в оренбургской ссылке", Оренбургское книжное издательство, 1960, и др.).

В пересказе Н.И.Кутиной, вдовы оренбургского врача М.А.Кутина (являвшегося сыном Аполлона Михайловича), известны и его воспоминания о Шевченко. ("Т. Г. Шевченко в ссылке", стр.168-169). Они свидетельствуют, что Аполлон Кутин, живя в доме, поэта в идел.

На основании записи в указанном выше архивном деле, у Кутиных была также дочь Татьяна, 1837 г. рождения, жившая в 1849-1850 вместе с родителями.

ТЕТРАДЬ С ВЫРВАННЫМИ ЛИСТАМИ

Давно желанное и все же неожиданное продолжение

1.

К этому своему повествованию автор шел тридцать с лишним лет - с той поры, когда после двух десятилетий жизни в Орске переселился в Оренбург и между основными, так сказать служебными, делами занялся собственно оренбургскими

страницами биографии Тараса Шевченко, о которых до того имел лишь самое общее, весьма фрагментарное, представление.

Несколько лет спустя состоялись первые мои публикации о пребывании Шевченко в Оренбурге, а на шестом году здешнего обитания увидела свет книга "По следам оренбургской зимы" (Челябинск, 1968), и уже там я с горечью констатировал утрату семейной тетради -хроники Кутиных - сначала, как

писал, листов, относившихся к 1849-1850 годам, а затем и всей ее целиком. На одной из страниц первой моей шевченковской книги можно прочесть такое: "Я долго искал некоего Иванова, местного журналиста, который брал эту памятную книжку в середине тридцатых годов, но смог только установить, что искать его бесполезно - старый газетчик В.П.Иванов-Яицкий, который действительно много занимался историей своего края, давно умер и архив его исчез безвозвратно".

Меж тем, в доме Кутиных, по свидетельствам мемуаристов, а затем и прямых потомков домовладельца, Шевченко то ли "квартировал", то ли "часто бывал". Не случайно, что этот дом, теперь уже совсем ветхий, еще в десятые годы XX

столетия первым (и надолго единственным) был отмечен памятной доской. Кутиных, если и помнят, то в связи с поэтом-изгнанником.

Помнят, хотя толком ничего-то о них не знают...

Была бы цела та "тетрадь-хроника"! Но надежды отыскать ее уже не было. Надежда угасла окончательно и - бесповоротно. Надеяться оставалось лишь на чудо. Чудеса же есть чудеса. В них веришь и - не веришь.

2.

Что знали о сей исчезнувшей реликвии до того?

...В 1939 году областное издательство в Чкалове (такое наименование незадолго перед тем получил Оренбург) выпустило в свет сборник "Т. Г. Шевченко в ссылке". Мне посчастливилось знать всех ее авторов: М.Клипиницера, Н.Прянишникова, И.Изотова, А.Бочагова. Первая основательная попытка обобщения материала (в основном книжного) о десятилетнем изгнании поэта-свободолюбца в современной краеведческой литературе принадлежала им. Разумеется, более другого их занимало

все, что относилось к этим годам. Нашлось же сто и для свидетельств, прямо связанных с домом Кутиных.

Николай Ефимович Прянишников вспомнил и привел рассказ жены тогдашнего хозяина дома, записанный П.Юдиным и опубликованный в "Русском архиве", третьей его книге за 1898 год: "Ходил он по городу всегда в солдатской шинели и только под низом ее одевал си ние шаровары и белую, вышитую на груди

и по рукавам, хохлацкую рубаху. Был у него приятель, офицер-хохол, который квартировал у Кутиных. Шевченко чуть не каждый день навещал его. Вдвоем они коротали длинные зимние вечера за чайком и водочкой. "Придет, бывало, он к нам, - говорила старушка, - сейчас шинель долой, повесит ее в передней на гвоздик, расправит свои длинные черные усы, и первый его вопрос в шутовском тоне: - Ой, чи живи, чи здорови, всі родичі гарбузові?"

Когда приятеля нет дома, он, в ожидании его, ходит из угла в угол по всем комнатам. Потом придет на мою половину, а я тем временем водочки приготовлю и закуски смастерю.

- А що, хозяйюшка, кисленька капуста е? - всегда спрашивал он. - Есть, батюшка, есть. - Оце добре! - До смерти он любил эту кислую шинкованную капусту. Никаких других угощений ему не надо. Придет хозяин, сядут они за стол и пойдут у них разговоры, ино гда далеко за полночь, но всегда тихо, скромно, без шума".

В том же сборнике 1939 года о семейной тетради говорилось как о реально существующем раритете. О ней писали и Прянишников, и Бочагов.

В статье Н.Е.Прянишникова о тетради сказано в таком контексте: "...Интересно, что у Н.И.Кутиной (здорововавшей тогда вдове доктора Кутина, внука бывлых домовладельцев - Л. Б.) сохранилась старая записная книжка ее свекра, в которой есть, между прочим, запись о том, что в описываемые годы у него квартировал Лазаревский. Очевидно это и был тот "офицер-хохол", которого "чуть не каждый день навещал" Шевченко. К сожалению, порядочное количество листов из этой книжки хищнически вырезано..."

А вот что писал А.К.Бочагов: "...Лазаревский... жил в доме Кутина. Об этом свидетельствуют недавно обнаруженные документы-записи Кутина в семейной тетради-хронике..."

Из них видно, что в доме Кутина одно время жил И. А. Усков, который позднее был комендантом Новопетровской крепости, покровительствовал поэту и значительно облегчил там его существование, и Лазаревский. "Лазаревский, - читаем мы в записях, - приехал к нам из степи 8 апреля 1850 года"..."

Выписки доподлинные. Архипа Кузьмича я знал долгое время, имея достаточно оснований оценить как добросовестного историка. Он действительно держал тетрадь в своих руках.

Больше того, показал мне фоторепродукцию записи с упоминанием Ускова. Такую репродукцию с чужих слов не сделаешь. Семейная тетрадь-хроника еще в 1938-м - начале 1939-го существовала, была доступна прочтению и изучению. Но для изучения нужна большая пр едварительная и кропотливая сопутствующая работа, в том числе по уяснению сути, значения каждого человека, в ней упоминаемого. Бочагов шевченковедом не был, как и не владел доскональным знанием атмосферы Оренбурга 40-50-х годов.

...То были последние "прижизненные" свидетельства о "тетради с вырванными листами".

3.

Где только я ее не искал!

В моей книге "По следам оренбургской зимы", вышедшей, напомним, в 1968-м, я не мог открыто сказать, что журналист-краевед, в прошлом думский репортер,

В.П.Иванов-Яицкий был в конце 30-х годов репрессирован и следы его пришлось искать даже в архиве оренбургского КГБ.

Дело нашел: старого газетчика постигла судьба многих; "расстрельный" приговор никаких надежд не оставлял. Что же касается "доказательств" вещественных, то они, как свидетельствовал официальный акт, оказались уничтоженными. Тогда, решил, и закончила св ое существование тетрадь Кутиных. Что иное мог подумать?

Но все-таки продолжал грезить. Ни на что уже не надеясь - надеялся. Написал о ней чуть ли не на первых страницах трехтомной "Были о Тарасе", изданной в 1993-м. Рассказывал о своих поисках то одному, то другому - и в Оренбурге, и при выездах. В общем, многим.

И вот однажды получаю я письмо из Уфы, от очень симпатичного мне Василия Бабенко - историка, этнографа, фольклориста, певца и вообще славного человека. Единственный его недостаток - не любит писать письма. За это не раз ему выговаривал. С самого начала письма почувствовал: мой корреспондент смущен.

Смущение от долгого молчания?

Оказалось, что не только.

Василий Яковлевич повинулся: чуть не на два года задержал у себя записку, обращенную ко мне. Получилось это непредумышленно. Деловые поездки (Москва - Киев - Петербург - снова Москва - Уфа), нескончаемые обязанности советника мэра и руководителя товар ищества "Кобзарь" вышибли из памяти маленькую записку и обещание переслать ее в Оренбург. Записка была вложена в конверт.

"Уважаемый Леонид Наумович, в фольклорном отделе Государственного Литературного Музея (Москва) есть записная книга хозяина дома (фамилию не помню), у которого останавливался Шевченко (по легенде собирателя). Есть материалы по истории Оренбурга. Приезжайте!

Сейчас отдел рукописей находится в состоянии капитального ремонта и не принимает исследователей. Но, я думаю, Вы заинтересуетесь, и я смогу ответить на некоторые Ваши вопросы пока в письмах..." Подпись: Светлана Андреевна Бойко, старший научный сотрудник Гослитмузея.

Подмосковный домашний адрес, московский служебный телефон.

Тетрадь... Кутина?! Та самая?!

Десятки мысленных вопросов и ни одного ответа.

Их может дать только архив. Архив и - до поездки - Бойко.

Но прошло два года. Мало ли что могло случиться. Изменился адрес? Не там уже работает? Написал. Попросил посмотреть, есть ли в книге приведенные Бочаговым записки о Лазаревском, об Ускове, наличествуют там вырванные листы или нет и вообще сопоставить мои сведения о "семейной тетради" с тем, о чем Светлана Андреевна сообщила мне в записке. Стал отсчитывать дни. Но ответа не было.

Не приходил он долго: минул сентябрь, ничего не принес октябрь, заканчивался ноябрь. Письмо, которое так ждал, прибыло лишь в самые последние ноябрьские дни. Пришло!

"...Очень обрадовалась Вашему письму... Василий Яковлевич все-таки донес его Вам, за что я ему прощаю расстояние во времени... Рада известить Вас, что являюсь хранительницей той самой книги Кутина, которую Вы так давно ищете..."

Фамилии Лазаревского и Ускова в записях есть. Кроме того, там еще Орлов Ал.Вас., Лашкевич, управляющий таможней, и др. Вы рады? Записи в книге велись, выражаясь языком Пушкина, "с конца, с начала и кругом" ... В фонде Ефременкова (где и находится книга а) есть еще история Оренбурга, написанная неустановленным лицом (52 л.), путеводитель по Оренбургу 1915 года (без начала), газеты и еще кое-какие материалы..."

Ефременков? В первый раз слышу!

А я-то думал, что знаю обо всех оренбургских исследователях, собирателях, краеведах, по крайней мере обозримых десятилетий.

Выходит, ошибался...

Моя новая знакомая (пока заочная) просила прощение за свое молчание. "Были серьезные причины: лермонтовские дни, командировка (я занимаюсь Лермонтовым) и болезнь, выбившая меня из колеи".

Прощаю, прощаю... Да за такое известие простишь все!

"До встречи в Москве..."

А где же еще?

В музей, в архив. Какой уже по счету. Но кто осмелится исчислять архивы цифрами: единицами? десятками?

Любой архив неповторим, как и неповторима личность.

4.

Что за Ефременков. Кто такой?

Со времени издания есть у меня "архивная лоция" - большие, толстые, во всех измерениях весомые, тома под названием "Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР".

Тысячи фондов с точными адресами хранения. Да, с такой "лоцией" на мель не сядешь... Ефременков Василий Константинович..., историк-краевед, собиратель фольклора в Смоленской области...

Как она, книга из оренбургского дома, могла попасть в места смоленские? Хотя, пути и книг, и людей в нашем бурном веке неисповедимы.

Ого, "историк-краевед и фольклорист" накопил изрядно.

Его материалы - в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (фонд 1451), Московском отделении архива Академии наук (ф. 480), в отделах рукописей "Салтыковки" (ф. 278) и Государственного Исторического музея (ф.8); тут многие десятки "ед иниц хранения", относящихся к середине XIX века и последующих ста с лишним лет.

Фонд Гослитмузея в указателе не значится. По какой-то причине не вошел. "В фольклорном отделе..." Странное место нахождения отнюдь не фольклорного источника.

В последний раз книгу видели в Оренбурге не позднее февраля 1939 года (время сдачи в набор сборника "Т. Г. Шевченко в ссылке"), конечная дата жизни Ефременкова - 1941-й. А все таки, как на самом деле архивный раритет за те два года мог перемануть через тысячи километров - с Южного Урала почти до западной границы России? Эта загадка тоже в архиве, и нигде, кроме архива.

Поинтересовался: где именно он располагается?

В бывшей квартире Анатолия Васильевича Луначарского, рядом с мемориальным его музеем, в непосредственной близости от Арбата.

...Тридцать с лишним лет думал я о "тетради-хронике" Кутиных там, где она велась. Отныне нить поиска протянулась к Москве.

Не поехать туда было выше моих сил.

5.

- Эврика! Я нашел! - воскликнул еще до нашей эры великий грек Архимед, догадавшись, что он открыл основной закон будущей гидростатики.

- Эвристика - от греческого слова, переводимого как "нахожу", - "совокупность логических приемов и методических правил теоретического исследования и отыскания истины; метод обучения, способствующий развитию находчивости, активности". ("Словарь иностранных слов", 1983, с.570). - "Архивная эвристика", "библиографическая эвристика" - поиск в архивах, книгах и других материалах, как главный источник изучения личности и эпохи. "Ищите да обряцете" - наставляет всех нас Библия. Главный принцип эвристики сформулирован еще в

Священном писании.

Она, эвристика, прежде всего архивная, и лежит в основе всего, что делал и делает автор на протяжении десятилетий своей исследовательской работы в литературе и истории.

Из книг о Тарасе Шевченко явствует это всего более.

И вот еще один архив на путях шевченковских моих поисков.

Звонок у массивной двери подъезда.

- Что угодно?

- В Литературный музей.

- Открывайте.

"Сезам, откройся" срабатывает. Несколько ступеней ведет вверх. Там два милиционера и вполне цивильная девушка. Извлекаю документ, но ни им, ни мною не интересуются. -Лифт, пятый этаж. Понимаю, что охраняют не "Луначарского" и не архив в его квартире. То, на пятом, молодым бездельникам (да простят они меня, если ошибся) глубоко безразлично. Приставлены они к банку, фирме или другим, на фасаде не обозначенным, учреждениям совсем иного толка. А может к

богатеям-нуждарицам, пекущимся о безопасности своего тела и покоев. Времена изменили съ, дух Анатолия Васильевича в подъезде более не витает. Не модно...

Размышления в лифте там и остаются, едва переступаю порог заветных апартаментов.

- Здравствуйте, Светлана Андреевна!

Она родилась, росла, училась на Украине. Закончила Киевский университет. Потом переехала в Подмоскovie - с мужем-офицером. Работала в столичном экскурсионном ведомстве, водила и возила экскурсантов со всех концов державы, тогда еще великой, нерасчлененной. Узнала Москву - особенно литературную - досконально. Приглашение на научную работу в Гослитмузей приняла с радостью и работает тут с удовольствием. Каждый день по несколько часов в электричках (ее Угольная не ближний свет), зато сколько приятного в кропотливых поисках, в общении с исследователями.

Ее "конек" - как и писала мне - Лермонтов.

Позже, при расставании, она подарила "в знак знакомства и дружбы" два последних выпуска научного сборника "Тарханский вестник". Основу основ в том и другом составил ее большой исследовательский очерк "Московской тропой поэта". Интереснейший, увлекательнейший, доложу вам, очерк; прочтя его, я пожалел, что не могу поделиться своими впечатлениями со своим добрым гением Ираклием Луарсабовичем Андрониковым - многое почерпнул бы отсюда даже он, великий знаток всего о Лермонтове.

А какое к очерку посвящение! "Моему Кастальскому ключу..."

Это прекрасно, это поэтично. Прямое опровержение того, что архивисты - "казенные", "сухие" люди.

Шевченко любил Лермонтова больше, чем других русских поэтов. Бойко любит и Лермонтова, и Шевченко. Но изучает она не Шевченко, а Лермонтова, и в литературу о бессмертном Тарасе ее имя я ввожу первым. Ведь это она стала для меня гидом на новом витке моей шевченковской архивной эвристики.

6.

Фонд 427, дело 21 - "Записная книга домовладельца Аполлона Кутина, у которого якобы останавливался на квартире Т. Г. Шевченко (Оренбург)". Так в описи.

На обложке иначе - без "якобы" в тексте, зато с фамилией собирателя на первом плане: "В.К.Ефременков. Хронологическая книга Аполлона Кутина, домохозяина, у коего проживал на квартире в годы оренбургской ссылки великий украинский поэт Т. Г. Шевченко".

Тут же вклеен "Анкетно-паспортный листок Ефременкова приобретения":

I. Название приобретения - Хронологическая книга Оренбургского жильца.

II. Место приобретения - Оренбург, в 1943 году.

III. От кого? Чкаловской жительницы Кутиной.

IV. История возникновения рукописи Хронологическая книга, принадлежавшая ранее оренбургскому домовладельцу Кутину Аполлону Михайловичу, у которого жил великий украинский поэт Т. Г. Шевченко в годы ссылки.

V. Приобрел любитель русской словесности и автографов, коллекционер, краевед-фольклорист Починковского района Смоленской области, г.Починок, Василий Ефременков.

VI. Дата заполнения анкеты - 15 сентября 1943, г. Оренбург, читальный зал агитпункта, стол у окна, угол Советской и Горсоветской".

Экая точность: куда выходили окна и за каким столом сидел в тот день посреди Отечественной. Но ведь только что собиратель купил и унес с собою нечто важное, тешащее душу коллекционера, и он не стал идти домой, зашел туда, где бывал не раз, разглядывает свое приобретение со всех сторон, а заодно составляет его паспорт. Как сдается Ефременкову, по всем архивным правилам...

Но он же, судя по указателю личных архивных фондов, умер в 1941-м! Нет, там явная ошибка. Если и умер, то не тогда.

Какие вопросы "анкетно-паспортный листок" рождает еще?

Книга приобретена у Кутиной... Хоть бы инициалы дал, это существенно.

Хронологическая книга, принадлежавшая домовладельцу Кутину Аполлону Михайловичу... Однако, во-первых, хронология это "перечень каких-либо событий в их временной последовательности", а в книге с самого начала апрель 1843 соседствует с июнем 1854 и, тут же, с июнем 1855, после чего идут записи 1845-1846. И, во-вторых, как давно я установил, хозяином дома до самой своей смерти был вовсе не Аполлон Михайлович, но Михаил Иванович, его отец. То, другое и третье существенно. Одно - для меня, прочее - не для меня только. Для начала прояснение того, кто был кто в кутинском семействе шевченковских времен.

Кто есть кто?

Выше, в словарной части энциклопедии, я сообщил о них все, что узнал из книг и архивов. Повторять эти справки здесь необходимости нет. Без этой тетради надеяться на их расширение не приходилось. Разве что в малозначительных деталях...

7.

Еще не видя тетради, загорелся я желанием иметь к своему приезду в Москву точную копию. Согласен был на микрофильм, фото, ксерокс - любой способ воспроизведения рукописи со всеми ее особенностями. Сулил уплатить сколько потребуется.

Более в таких делах опытная Светлана Андреевна просьбе моей хода не дала. Уже в архиве понял: сколько-нибудь разборчивую копию могли бы выполнить, и то не без изобретательности, разве что в условиях первоклассной криминалистической лаборатории, причем тоже без всяких гарантий.

Стерлись или поблекли записи карандашные, на многих листах выцвели чернила, грубые следы оставили не всегда чистые пальцы. Многое оказалось зачеркнутым или перечеркнутым по минованию практической надобности.

Это была сугубо рабочая книга - для записи прибытия и убытия квартирантов, приходов и расходов, хозяйственных дел и трат, а попутно, как бы между делом также каких-то иных событий - семейных, городских, губернских.

Хозяин, Михаил Иванович, записывал без всякой системы действительно "с конца, с начала и кругом"; сам в этой своей круговерти он кое-как ориентировался, тем и был доволен.

Книга для общего пользования не предназначалась - а уж для чтения в будущем столетии и подавно.

Раньше о листах вырванных, или вырезанных, - в общем отсутствующих. Они тут не в одном месте - по всей тетради. Листа два - перед 17-м, один (может и больше) - перед 23-м, несколько - после 27-го, перед 34-м, по сле 45-го, перед

50-м, выдрано на пороге 60-го, между 66 и 67 листами, после 72-го, 76-го, 94-го.

Раны тяжелые и - давние, незаживающие и - кровоточащие. По особому болезненные еще и потому, что нанес их себе, вероятно, сам, либо изувечил тебя кто-то совсем близкий.

Из статьи Н.Е.Прянишникова: "...К сожалению, порядочное количество листов из этой книжки кем-то хищнически вырезано (Н.И.Кутина не раз давала книжку разным лицам), и возможно, что на вырезанных листах были записи о самом Шевченко".

Из статьи А.К.Бочагова, а точнее из приведенного в ней подлинного свидетельства самой же Натальи Илларионовны Кутиной: "...В этой тетради... была запись о том, что Т. Г. Шевченко жил у них на квартире в той части дома, которая выходила на Канонирский переулок... Когда я получила эту тетрадь, оказалось, что очень много листов было вырезано и как раз за те годы, где была запись о Шевченко. Кто вырезал эти листки, я не знаю..."

За те годы? Но с первой же страницы убеждаешься: записи с самого начала идут вперемежку, хронологически однородных блоков в тетради нет. И скорее всего не было. "Хозяин-барин..." Требовалось записать нечто для памяти - брал в руки книжку, открывал ее в любом месте, записывал на первом попавшемся чистом листе, или на свободной площади уже начатой страницы. Как же можно утверждать, что двенадцать (!) вырезок и выдирок, по несколько листов каждая, или хотя бы часть из них, относятся к тому, сравнительно короткому времени, когда в этом доме мог "жить" (а если точнее, то бывать) поэт-солдат? Почему из сорока с лишним лет существования тетради "в рабочем состоянии" должны были изыматься листы с записями только двух месяцев в 1849 году и четырех в 1850-м? Ради одной "записи о Т. Шевченко" два-три десятка листов из разных мест?

"Хищнически вырезано..." В большинстве случаев не вырезано, а выдрано, причем без всяких предосторожностей, грубо... Объяснение? Из книги реликвию не делали, на нее не молились, она всегда была на виду. А мало ли на что может экстренно понадобиться ли сток бумаги? Уместно сказать, что тогда ее,

бумаги, выпускали много меньше нынешнего...

Ну а касательно "записи о Т. Шевченко", то предположения на сей счет еще впереди. Додумаю и - выскажусь.

8.
109 листов. Отсутствующие не в счет. Это лишь те, которые доступны прочтению.

Что тут для меня главное? Что ищу и хочу найти?

Прежде всего, то, что может, пусть косвенно, иметь отношение к Шевченко, а также тем, кого он знал и кто знал его.

...Адъютант г.поручик Михайлов перешел к нам на квартиру 15 мая 1845 платою по 20 ассигнаций в месяц. - Л.10.

(Уже старшим адъютантам и штабс-капитанам он скрепит своей подписью официальное письмо 1849 г. о прикомандировании Шевченко к А. И. Бутакову "для окончательных работ по описи Аральского моря").

...Г. старший адъютант Усков Ираклий Александрович перешел к нам на квартиру 12 мая 1849 г. с платою 20 асс. в месяц.

Тут же записи о получении платы: в июне... в июле... в сентябре... - Л.31.

(Тот самый Усков - будущий комендант Новопетровского укрепления, будущий многолетний и искренний друг Тараса - в доме Кутиных!)

...Г. Лазаревский приехал к нам из степи 8 апреля 1850 года - Л.38-об.

(Шевченко ждал его возвращения после отнюдь не мимолетной поездки; любая командировка "в степь" растягивалась тогда на месяцы). ...Вместо г. Лазаревского перешел к нам на квартиру с 16 декабря 1849 года г. Ксенофонт <Егорович> Поспелов, имеющий чин поручика, с платою по 20 р.асс. в месяц. - Л.39.

...Среднюю комнату занял он с 6 апреля 1850 по 5 р.асс.

С 7 мая занял квартиру Г. Лазаревский по 25 р.асс. в месяц.

Г. Лазаревский уехал 31 мая... - Л.40.

(Сколько нового для шевченковской биографии! Точная дата выезда Федора Лазаревского в долгую его степную командировку и, следовательно, расставания Шевченко с другом-земляком. Неопровержимое свидетельство того, что с отъездом Федора дом Кутина не перестал быть для него притягательным центром. О, нет - сюда переселился Поспелов, с которым он особенно сблизился в Аральской экспедиции. Вернулся Лазаревский - Поспелов уступил ему первые, и главные, комнаты квартиры, а сам переместился в "среднюю" комнату. Уехал он (не позднее 6 мая 1850-го) - Федор стал "хозяином" всей этой части дома.

Правда ненадолго: в последний день мая отбыл в командировку новую. Легко сосчитать, когда они были тут вдвоем с Лазаревским, втроем - с Лазаревским и Поспеловым, снова вдвоем. Важные сведения из жизни шевченковского дома...)

...Чиновник Пограничной комиссии (столоничальник) Александр Васильевич Орлов перешел ко мне на квартиру 12 августа 1850 года... - Л.41.

(И Орлов, выходит, тут жил - еще один знакомый и приятель Шевченко в бытность его в Оренбурге; их добрые, доверительные отношения подтверждены документально, автор писал о них в третьем томе своей "Были о Тарасе").

...Чиновник особых поручений коллежский асессор Федор Матвеевич Лазаревский переехал к нам на квартиру 22 мая 1851 года... - Л.43.

(Дому Кутина его квартиранты оставались верны - он их к себе - притягивал). Да, это был по особому близкий ему дом. Здесь жили его друзья, его добрые знакомые.

Недрузи стали появляться в нем гораздо позже.

...Г. Барховец перешел к нам на квартиру 6 ноября 1857 года по 5 р.сер. в месяц. Получено в задаток 3 р.

Перешел на другую квартиру 12 числа. - Л.84.

"Барховец" это же Бархвиц! Знакомый Шевченко по Орской крепости. Прикидывавшийся приятелем, офицер Бархвиц доставил Тарасу немало горьких разочарований. В том же 1857-м, на Мангышлаке, он в своем Дневнике записал: "Искорени друзей, подобных... Бархвиц у... это дрянь, мелочь..."

...Но не тем дом Кутина будь помянут.

9.

На страницах книги - атмосфера дома, семьи оренбургского обывателя среднего достатка. Не богатого, хотя и не бедного.

"Университетов не проходившего", но достаточно по тем временам грамотного. В меру честолюбивого, поборника порядка, преданного семье.

...Апполончыка отправлен в Гурьев-городок 10 мая 1850 года.

...Аполлон приехал из Гурьева-городка 15 февраля 1853 года, а из Оренбурга уехал обратно в Гурьев к своей должности 29 апреля в 3 часа по полудни. - Л.45-об.

(Это о сыне, Аполлоне, который в оренбургские месяцы Т. Шевченко заканчивал уездное училище и готовился к чиновничьей службе; они, конечно же, были знакомы).

...Танечку и Машеньку отдали для обучения к Александре Степановне 1849 года, января 18 дня по 8 р.асс. в месяц. - Л.12-об.

...Таня и Маша отданы учиться к г-же Малюге 9-го января 1851 года. - Л.45.

(Знавал Шевченко и дочерей хозяина, по крайней мере видел их).

...Брат жены моей Николай Петрович Сычугов помер в ночь на 19-е число августа 1858 г. в госпитале... - Л.97-об.

(Следовательно, А.П.Кутина, урожденная Сычугова, принадлежала к семье уральских казаков, занимавших достаточно видное положение в войске).

...Представление о награждении меня знаком отличия беспорочной службы за XV лет послано через почту в Департамент внешней торговли из канцелярии г. начальника округа 26 февраля 1852 года.

Приписка: Этот знак отличия получил я 28 декабря 1853 года. - Л.44-об.

(Полтора десятка лет честной работы в Оренбургском таможенном округе. Гордился Михаил Иванович и наградой, и делом...).

Занимало его многое и разное.

...19 апреля 1843 года праздновано было столетие г.Оренбургу. - Л.6-об.

...В музыкантском хоре хороший скрипач первый Павел Третьяковский... - Л.10-об.

...Слона, приведенного с караваном в 1848, отправлено из Оренбурга в Санкт-Петербург 25 мая 1849 года. - Л.30.

...Г. генерал-губернатор Перовский отправился из Оренбурга в Хиву 17 мая 1853 года. - Л.50.

...1860 года октября 31 дня умер польский ксендз Зеленко, 3 ноября схоронен в ограде костела. - Л.94-об.

...18 ноября 1853 года приехал в Оренбург новый архиерей - Антоний. - Л.98.

...В 1852 году лед на Урале прошел апреля 21 дни и сильная была вода... - Л.99.

Но тут же сугубо домашнее.

...1855 июня 1-го в 8 часов утра родилась внучка Ольга. - Л.6-об.

...Работник Мухамет Латиф перешел к нам жить 30 июня 1847 года с платою по 5 асс. в м-ц. - Л.19.

...Продад лошадь с бричкой 26 ноября 1849 года некоему драгуну... - Л.28.

...Взято из лавки купца Дюкова 1850, генваря 16-го, сахару, чаю, трехлитровый самовар... - Л.28-об.

...1863 года генваря в ночи на 3 число родился внук Михайла... - Л.41-об.

Впоследствии этот самый Михаил, сын Аполлона, станет "доктором Кутиным", вдове которого суждено будет сохранить и семейную тетрадь, и семейные воспоминания о Шевченко.

10.

Но как эта реликвия оказалась у Ефременкова?

Раньше о том, кто он сам.

Отец его был крестьянином, а потом рабочим, погиб от несчастного случая еще до рождения сына. Мать, крестьянка, оставила его совсем маленьким - умерла в 1930-м. Закончив семь классов, стал работать учеником продавца, а затем и

продавцом в книжном магазине. Тогда же приобщился к чтению, особенно книг по истории, увлекся краеведением, сборанием фольклора. По мере взросления его страстью становился также сбор всевозможных материалов для будущего местного музея, для "исторической памяти" - архивов.

С юных лет Василий болел туберкулезом. От военной службы его освободили. Негодным признали и с началом Отечественной - уволили подчистую.

Подступал враг - вместе с другими земляками эвакуировался на восток. Эшелон доставил смолян в Чкалов-Оренбург.

Такой была внешняя канва его жизни.

Работал где удавалось, кормился чем попало и... оставался самим собою. Продолжал собирать фольклор, записывал рассказы фронтовиков. Чтобы находиться ближе к источникам драгоценных свидетельств, устроился в военный госпиталь. Так набралось 48 устных рассказов и большое число набросков по теме Великая Отечественная война в русском говоре".

Множество частушек записал от неистощимой Тamarы Приходько... От разных людей, опаленных войной, - несколько вариантов песни "Синий платочек"... Еще и еще - из народной памяти, народных сердец...

Делал все, что ему приказывали, лишь бы оставаться поближе к истинному кладу - фольклору бывалых. И день за днем заполнялись его тетради... Жаль, что сегодняшние исследователи до них еще не добрались.

Годы спустя, уже в мирное время, обратился он в фольклорный отдел Гослитмузея. Вместе с записями устного творчества попало туда и "кое-что" еще.

Под номером 51-м в фонде 393 значится "Дневник коллекционера". Коллекционер - тот же Ефременков.

...- 16 июля 1943 года. Одна из торговек чкаловского базара дала обещание связать меня с какой-то горожанкой, у которой имеются рукописи, фотографии и открытки известных личностей.

17 июля

Вновь встретил рыночную торговку, заявившую мне о том, что та горожанка ничего не имеет против моего посещения. Сообщила адрес.

18 июля

Навестил Пролетарскую улицу, дом № 58. Стою у одноэтажного приличного каменного домика. Нажимаю кнопку электрзвонка. Дверь открывается. Встречает сама хозяйка. - Заходите к нам в комнату.

Вхожу в светлую просторную горницу с большими окнами. Уют, чистота. Присаживаюсь в мягкое кресло. Объясняю визит. Оказывается, я попал к дочери хозяина дома, в котором жил когда-то великий украинский поэт Шевченко. Отец Кутиной давным-давно помер от г глубокой старости, оставив в потомстве трех дочерей, из коих эта проживает по Пролетарской. 2-я дочь по Почтовому переулку в доме № 11 под фамилией Вера Аполлоновна Бромстрем. 3-я живет на улице ... зовут ... (так в "дневнике" - слушая, не записывал, надеясь на память, но она подвела). Все эти личности взял на учет и в ближайшее время навещу.

Гр-ка Кутина предоставила в мое распоряжение целую кипу наследственных бумаг отца ее. Тут были родословные, предсмертное завещание и т.п. Из всех бумаг отобрал лишь несколько, в т.ч. выкупил открытки с собственноручными письмами известной дореволюционной артистки Марии Карпинской. Всего куплено на 150 рублей...

Увлеченность была - критериев отбора не было. Подводила невысокая общая культура, мешала всеядность, распыленность поиска. Сегодня бегал за якобы сохранившимися письмами Льва Толстого, завтра за человеком, который знал писателя Гусева-Оренбургского, тут же загорался желанием купить рукописные страницы истории Оренбурга, писанной в начале века, соблазняясь "ревизской сказкой из имущества писателя Аксакова"... - что-то покупал, с огорчением считая немногие свои рубли, чему-то сокрушался, в чем-то раз очаровывался, но... остановиться не мог.

Не прервались и его связи с Кутиными.

... - 27 июля

Навестил второй дом сестры Кутиной, проживающей по Почтовому переулку в доме № 15. Кроме портрета ее отца и матери, ничего не оказалось. Портреты огромного формата. Чуть было не выкупил, но потом решил подумать...

... - 29 июля.

Навестил вдову Кутину. Навестил напрасно, раздумала продавать...

... - 2 августа.

Отыскал 3-ю дочь Кутиной, которая замужем за зубным врачом. Кутина встретила мой визит весьма откровенно и показала ряд семейных альбомов, из коих я приобрел <...> фотографий. (Цифра в дневнике пропущена). В частности, фотографии отца с матерью..

Фотография сохранилась в том самом фонде, что и "дневник коллекционера". Сам же дневник восторга у меня не вызвал: рассчитывал (и вправе был рассчитывать) на большее, прежде всего по части Кутиных, встреч с ними, описания увиденного и услышанного при их посещениях.

Дневник не ответил на вопросы элементарные - например, с кем конкретно, по имени-отчеству, разговаривал Ефременков на Пролетарской, что раздумала продавать "вдова Кутина", кто же конкретно хранил и передал (продал!) ему ценнейший документ - "семейную тетрадь", "записную книгу", "хронологическую книгу" или как ее еще называли. Что ж, человеком он был не слишком грамотным, о Шевченко знал не многое, отличить важное от не важного в отношении его не мог, целей научных перед собою не ставил. Упрекать энтузиаста не буду.

Спасибо ему уже за то, что книга дома Кутиных, претерпев многое, сохранилась, выжила и будет жить. Нет на земле места надежнее, чем Архив.

11.

Обещания надо выполнять, и под конец своего повествования я возвращаюсь к "записям" или "записи" о самом Шевченко, будто бы имевшимся (имевшейся) на вырванных листах. Напомню, что свидетельствовала об этом Н.И.Кутина, для которой "учредитель" и хозяин книги Михаил Иванович был свекром; она его знала не понаслышке - лично.

Так вот - квартировать в доме сем Шевченко не мог (его перемещения в Оренбурге более или менее ясны), бывал же тут постоянно. То у официального квартиранта Федора Лазаревского, то у другого официального - Поспелова.

Приходилось ночевать. Но дом не гостиница, дополнительных расчетов в таких случаях не требовалось, и Кутин, при всей своей скрупулезности, заводить особые счета на гостя вправе себя не считал.

Выходит, шевченковского в "семейной книге" не было и быть не могло?

Утверждать это не смею.

В то время в домах водились альбомы, содержавшие разного рода записи "на добрую память".

Один запишет свою или чужую мысль, по возможности "мудрую", другой - стихотворение, третий что-то изобразит. Хозяевам, особенно молодым, как и гостям дома, это развлечение.

Сорок с лишним лет вел такой альбом Федор Лазаревский. Иной раз записи в нем буквально фонтанировали, а бывало, что про него забывали надолго - на годы.

Сопутствовал он Федору и в Оренбурге. Со временем образовалась солидная антология поэзии, любезной сердцу молодых чиновников, отнюдь не ретроградов. Кого только тут нет: Пушкин, Кольцов, Тютчев, Лермонтов, Жуковский, Полежаев ("В России чтут царя и кн ут. В ней царь с кнутом, что поп с крестом")...

Украинское в альбоме молодых украинцев впервые появилось в те дни, когда на квартиру Лазаревского в доме Кутина пришел, по настоящему приглашению земляка, отданный за стихи свои в солдаты Тарас Шевченко.

*Де ти, хмелю, зимовав,
Що й не розвивався?
Де ти, сину, ночовав,
Що й не раздягався?..*

Под записью - июньская дата 1847-го. Поэзия, песни Украины звучат и дальше, среди записей последующих лет. Есть тут собственноручные шевченковские.

А фамилии Шевченко ни здесь, ни где-то еще нет...

Кто он такой, чем он прославился и одновременно провинился, знали в этом доме и квартиранты, и хозяева. В минуты непринужденного общения Кутины вполне могли раскрыть перед ним чистые листы семейной тетради: напишите, мол, Тарас Григорьевич, оставьте п амять. Как откажешь?

Но если смотреть в корень, то резонно усомниться: автографами всегда дорожат, их берегут и вырывать из домашней книги наверняка не решатся.

Сделал кто-то корысти ради? В таком случае листок с автографом давно уже всплыл бы на поверхность и дал о себе знать.

Листок или листки...

Ничего другого сказать насчет этого не могу.

КУХАРЕНКО, Яков Герасимович (1800-1862) - украинский писатель и этнограф, впоследствии генерал-майор, наказной атаман Черноморского казачьего войска.

Т. Шевченко познакомился с ним еще в 1840 г. в Петербурге и искренне ратовал за постановку пьесы "Чорноморський побит на Кубані". Нравилась ему также этнографические очерки приятеля.

В годы солдатской службы поэта Кухаренко оказывал подневольному моральную и материальную поддержку. Они обменивались письмами. Шевченко посылал свои произведения ("Садок вишневий коло хати", "Чернець" и др.). "Я дорожу его мнением чувствующего, благородного человека и как мнением неподдельного, самобытного земляка моего," - записал он в Дневнике 1 июля 1857 г. Кухаренко посвящена поэма "Москалева криниця", отправленная на Кубань менее чем за месяц до того.

Поэт-изгнанник в предвкушении своего освобождения строил планы поездки к дорогому ему человеку, но они не осуществились.

КУШИНБАЕВ, Джангеес - караванный начальник в транспорте, следовавшем из Орской крепости в Раимское укрепление в мае-июне 1848 г.

Сотенными начальниками каравана были Иляман Тюлеганов, Италмас Тлямысов, Кубяган Усянов и другие.

Многие казахи во время перехода отличились при отражении нападений хивинцев. "Ударбай Сандыков, Костымбек и Достан Аманжуловы действовали... с совершенным самоотвержением, с отличным мужеством и успехом..." (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5970).

Шевченко проявлял пристальный интерес к степным караванам и их людям. Свидетельствуют об этом сделанные им рисунки и зарисовки (т.8, лл.64-72). В одной из зарисовок - фигура степного казаха, не исключено, что начальника каравана Кушинбаева.